

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Институт филологии и межкультурной коммуникации
Кафедра литературы и методики её преподавания

**Образ народного заступника в цикле А. М. Ремизова «Николины
притчи»: материалы к изучению в школе**

Выпускная квалификационная работа

Квалификационная
работа
допущена к защите
зав. кафедрой

(подпись)

« ____ » _____ 2020 г.

Исполнитель:
Захарова Елена Александровна
Обучающийся ФРИЛ1501z группы ,

(подпись)

Научный руководитель:
д.ф.н.,
профессор,
Барковская Н.В.

(подпись)

Екатеринбург 2020

Содержание

<u>ВВЕДЕНИЕ</u>	3
<u>Глава 1. ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЦИКЛА А. М. РЕМИЗОВА «НИКОЛИНЫ ПРИТЧИ»</u>	10
<u>1.1. Притча как малый литературный жанр</u>	10
<u>1.2. История создания цикла «Николины притчи» А.М. Ремизова</u>	15
<u>1.3 Трансформация библейской традиции в цикле А.М. Ремизова «Николины притчи»</u>	23
<u>Глава 2. ПРИЕМЫ РАСКРЫТИЯ ОБРАЗА НИКОЛАЯ УГОДНИКА В ЦИКЛЕ А. М. РЕМИЗОВА «НИКОЛИНЫ ПРИТЧИ»</u>	32
<u>2.1. Образ Николая Угодника в цикле А.М. Ремизова «Николины притчи»</u>	32
<u>2.2. Грани образа Николая Угодника.</u>	42
<u>2.3. Роль пейзажа в создании образа Николая Угодника</u>	46
<u>2.4 Рекомендации учителю по использованию цикла А.М.Ремизова «Николины притчи» в школьной программе по музыке.</u>	52
<u>ЗАКЛЮЧЕНИЕ</u>	60
<u>СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ</u>	62

ВВЕДЕНИЕ

Алексей Михайлович Ремизов (1877 – 1957) – самобытный русский писатель, хорошо известный своими произведениями по мотивам русского фольклора. После Октябрьской революции 1917 года он эмигрировал из России сначала в Германию, а потом – в Париж, где и прожил до конца своих дней, активно занимаясь литературным творчеством. В связи с эмиграцией, в советском литературоведении творчество Ремизова практически не изучалось и даже находилось под запретом. Отечественные ученые начали активно исследовать его произведения только в 1980-х годах.

Годы эмиграции были для Ремизова годами постоянной тоски о России, но также временем плодотворной творческой работы. 1920—1930-е годы — время создания и обдумывания основных книг Ремизова, основанных на автобиографическом материале. Погружение в глубины своего «я», в воспоминания стало неисчерпаемым источником творчества Ремизова. При этом он понимал «память» не только как реальные воспоминания, но и как глубокую «прапамять» о своем перевоплощении в иных обликах на протяжении разных эпох. С начала 1930-х до 1949 года литератору не удалось опубликовать свои книги отдельными изданиями, поэтому большинство созданных до Второй мировой войны произведений опубликовано позднее. На протяжении всего своего творческого пути Ремизов обращался к произведениям древнерусской литературы.

При этом он исследовательски подходил к выбору текста — источника своего пересказа. Он выбирал произведения, сыгравшие значительную роль в древнерусской литературе, любимые народным читателем и, в то же время,

созвучные своими «вечными» проблемами человеку XX века. Ремизов пересказывал тексты, найденные им в рукописных сборниках или опубликованные в научных изданиях. Не случайно, что в советском литературоведении научный интерес к изучению ремизовских переработок возник именно у исследователей древнерусской литературы Я.С. Лурье, Д.С. Лихачева, Р.П. Дмитриевой. Ремизовские обработки представляют интерес при изучении истоков мифологизма в русской литературе рубежа веков и могут быть сопоставлены с исканиями А. Блока, Ин. Анненского, Вяч. Иванова, С. Городецкого и ряда других писателей. Имманентный анализ его пересказов и сопоставление их с другими произведениями, близкими по художественным задачам, помогут в решении проблемы стилизации. Как показали современные исследования, творчество Ремизова оказало воздействие на раннюю советскую прозу начала 1920-х годов. Изучение ремизовских обработок фольклорных и древнерусских текстов, сказовых по форме, полных сказочной образности и лирического субъективизма, поможет более глубоко понять характер существенного влияния Ремизова на орнаментальную прозу.

В последняя время интерес к творчеству этого писателя возрождается, особенно в православной среде. Его произведения, многие из которых написаны в уникальном авторском жанре – притча, проникнуты глубоким философским смыслом; во время литературного творчества автор хотел вернуться к своим корням, в своих книгах он выражает собственный путь исканий Бога и смысла жизни.

Литературные критики отмечают, что уникальность большинства произведений писателя заключатся в том, что он уходил от слепого копирования фольклорного наследия Руси и смело интерпретировал древнерусскую литературную традицию, наполняя ее новым смыслом,

новым звучанием.

Об этом, в частности, говорит А. М. Грачева «В своих произведениях писатель также создает совершенно новые образы святых угодников, горячо любимых на Руси»[18, с. 111]. Один из наиболее ярких примеров такой интерпретации древнего литературного и художественного наследия – цикл коротких рассказов «Николины притчи», в котором автор предьявляет на суд зрителя собственную трактовку образа святого Николая Чудотворца. Известного в народе как «Николай-Угодник» или «Святой Никола».

В своей монографии «Алексей Ремизов» Кодрянская Н. В. пишет в частности, о свободном обращении писателя с древним культурным наследием и о том, что в его переложении это наследие становится понятным и доступным современным людям[23, с. 134]. В данном случае с автором трудно не согласиться; Ремизов поставил себе задачу сделать образы российских святых и сюжеты из древнерусского фольклора доступными и понятными современному человеку.

Исследователь творчества Ремизова Рыжова Н. А. отмечает следующую характерную особенность творчества писателя: несмотря на весьма вольное обращение с древнерусской историей и фольклором, писатель старается сделать свое повествование достоверным, для чего обращается к древнерусскому изобразительному искусству и строит свое повествование в соответствии с клеймами житийных икон, посвященных Николаю Угоднику[40, с. 126].

Ремизов старается не упустить ни одной важной детали, чтобы максимально полно передать саму атмосферу и дух Древней Руси. При этом история органично переплетается с фольклором, и в этом симбиозе абсолютно отсутствует искусственность, нарочитость, характерная для многих исторических писателей.

В связи с малой изученностью творчества Ремизова в России, во время

написания работы приходилось обращаться к энциклопедической литературе, а также к трудам, посвященным общим вопросам древнерусской литературы [25]. Это представляется вполне логичным, поскольку без понимания общей специфики древнерусской религиозной (главным образом, житийной) литературы трудно понять и уловить жанрово-стилистическое своеобразие цикла «Николины притчи». Произведения Ремизова – не стилизация под древнерусскую литературу, а творческая переработка древней художественной традиции. Именно поэтому эти произведения интересно читать до сих пор, они понятны и доступны современной читательской аудитории. Язык писателя отличается яркостью и образностью, вместе с тем он довольно лаконичен. Во многом, именно этим объясняется возрастающий интерес российской читающей публики в творчестве литератора.

Актуальность работы обуславливается недостаточной изученностью творчества А. М. Ремизова, тем, что жанрово-стилистическое своеобразие его цикла произведений «Николины притчи» до сих пор не было изучено. Впервые рассмотрена возможность использования произведений Ремизова в рамках школьной программы, исследованы основные средства художественной выразительности, которые использует писатель в процессе интерпретации древнерусского и славянского литературного наследия.

Научно-методологическая база исследования включает в себя историко-литературный подход к творчеству писателя, биографический метод, жанровый анализ, элементы литературоведческого анализа, приемы мотивного анализа. Материалом для исследования послужили авторские тексты и научные работы. Поскольку в своем литературном творчестве А. М. Ремизов активно использует мотивы и сюжеты из традиционной древнерусской литературы (в основном, это жития святых), для работы

использовались теоретические исследования, посвященные общим вопросам древнерусской литературы. Так, например, Д. С. Лихачев в своей научной работе рассматривает связь древнерусской литературы с устным народным творчеством, с фольклорными традициями древних славян; знание этих взаимосвязей позволяет лучше понять и интерпретировать основные символы и образы в произведениях Ремизова [25].

Там же Лихачев пишет о том, что древнерусская литература отличалась живым изобразительным языком и активным применением разнообразных средств художественной выразительности, разнообразием стилистических приемов, позволяющих сделать повествование более ярким, самобытным; именно этой традиции придерживался Ремизов в своих «Николиных притчах»; он наполнял эти притчи развернутыми метафорами и аллегориями, заставляя читателей искать и находить в строках скрытый, потаенный смысл[25].

В связи с недостаточной изученностью творчества А. М. Ремизова, пришлось обращаться к учебным пособиям и энциклопедическим изданиям по истории литературы и литературоведению, а также использовать статьи современных литературных критиков, представленные в свободном доступе в сети интернет. Например, М. Г. Недорезова в своей статье «Притча: истории и особенности жанра» отмечает все характерные особенности жанра, присущие творчеству А. М. Ремизова[25]; это наглядно свидетельствует о том, что в своем цикле литературных произведений «Николины притчи» автор старался четко придерживаться жанровых канонов, и его короткие рассказы не являются простой стилизацией под притчу.

В энциклопедическом издании «Теория литературы» (под ред. Н.Д. Тмарченко) также рассматриваются основные особенности притчи как литературного жанра, и это является очередным доказательством того, что

«Николины притчи» - один из наиболее характерных образцов жанра в отечественной литературе первой половины XX века[46]. Известный литературовед Святополк-Мирский в своей антологии говорит о том, что российские писатели-эмигранты, не принявшие революцию и вынужденные покинуть Родину, составляют особый уникальный пласт в культурном наследии России[42]. До конца жизни испытывая тоску по Родине, эти литераторы создавали произведения, наполненные ярким национальным и религиозным колоритом, и одним из ярких примеров этого направления «возвращения к корням» является Алексей Михайлович Ремизов[42].

Цель нашей работы – выявить основные жанровые и стилистические особенности, характерные для цикла произведения А. М. Ремизова «Николины притчи».

Соответствуют поставленной цели задачи исследования:

1. Рассмотреть жанрово-стилистическое своеобразие прозы Алексея Михайловича Ремизова, особенности его творческого пути;
2. Исследовать основные художественные приемы, которыми пользуется автор для создания образа святого Николая в своем цикле;
3. Проследить, как трансформируются в литературной традиции Ремизова библейские и фольклорные мотивы;
4. Рассмотреть перспективы использования цикла произведения «Николины притчи» в программе средней общеобразовательной школы.

Объектом изучения стал цикл произведения А. М. Ремизова «Николины притчи». Автор написал этот цикл притч в начале XX века. Это время, когда в России происходило много трагических событий и политических катаклизмов. И в это беспокойное время писатель обращается к образу одного из самых любимых на Руси святых, создавая образ одновременно возвышенный и земной, доступный пониманию простых людей. Яркий образ

святого – заступника всех русских людей был призван вселять в людские души надежду на то, что «смутное время пройдет», и Россия возродится.

Практическая значимость работы заключается в возможности ее использования в специальных курсах по истории отечественной литературы, в дальнейших исследованиях литературы русской эмиграции, а также в качестве учебного материала на уроках музыки в процессе изучения учебного модуля «Святые земли Русской», поскольку образ святого Николая близок и понятен большинству русских детей. Также отдельные произведения из цикла «Николины притчи» можно использовать в рамках изучения предмета «Основы православной культуры» в начальной и средней школе, на уроках внеклассного литературного чтения в российских православных гимназиях.

В связи с поставленными задачами следует оговорить **структуру работы**. Данное исследование состоит из двух глав. Первая глава называется «Художественное своеобразие цикла А.М. Ремизова «Николины притчи»», она делится на три параграфа: «Притча как малый литературный жанр», «История создания цикла «Николины притчи» А.М. Ремизова», «Трансформация библейской традиции в цикле А.М. Ремизова "Николины притчи"». Во второй главе, имеющей название «Приемы раскрытия образа Николая Угодника в цикле А.М.Ремизова «Николины притчи»» содержатся параграфы: «Образ Николая Угодника в цикле А.М. Ремизова «Николины притчи»», «Грани образа Николая Угодника», «Роль пейзажа в создании образа Николая Угодника». Практическая часть работы включает в себя параграф «Рекомендации учителю по использованию цикла А.М.Ремизова «Николины притчи» в школьной программе по музыке». В заключении подводятся итоги исследования и формулируются основные выводы, в соответствии с целями и задачами настоящего исследования.

Глава 1. ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЦИКЛА А. М. РЕМИЗОВА «НИКОЛИНЫ ПРИТЧИ»

1.1. Притча как малый литературный жанр

Притча – один из самых древних жанров, сохранившихся до наших дней. Возникновение притчи было закономерным проявлением свойственного древнему человеку образно-аналогического типа мышления, которое стремилось отвлечённую мысль облечь в образ или сравнение. Она появилась на Востоке, где любили говорить загадками, иносказаниями, аллегориями. В русскую литературу притча пришла вместе с христианством, с первыми переводами текстов Священного Писания[26]. В Древней Руси притчей называли мелкое изречение, пословицу, а также притчу не отделяли от басни. В науке существует множество трудов, в которых исследуется жанр притчи. Обратившись к этим трудам, мы видим, что исследователи наполняют понятие «притча» разным содержанием.

В словаре В.И. Даля притча определяется как иносказание, нравоучение, поучение в примере, аполог, параболa, басня; или простое изречение, замечательное, мудрое слово[20]. Это определение отражает суть притчи и близко к литературоведческому подходу.

С.С. Аверинцев определяет притчу как дидактико-аллегорический жанр, в основных чертах близкий к басне[1, с. 21].

Е. К. Ромодановская говорит: «Дидактичность притчи в средние века считалась ее основополагающей чертой, в силу чего термин "притча" иногда

заменяет первоначальное жанровое определение (сказание, повесть и т. п.) в сочинениях нравоучительного характера» [39, с. 45].

Тюпа В. И. выделил установку притчи на устное бытование (сказочную форму). Отсюда такие особенности притчи, как неразвернутость сюжета, сжатость характеристик и описаний, схематизм характеров, акцентированную роль «укрупненных» деталей, строгую простоту композиции, лаконизм и точность выражения, опору рассказчика на некоторую предварительную осведомленность и соответствующую позицию слушающего, на его предуготованность к адекватному реагированию. Исследователь отмечает также интерес притчи к текущей жизни с выходом на универсалии человеческого бытия[49, с. 25].

Г.Д. Гачев сближает притчу с пословицей, крылатой фразой: «эти художественные произведения из 3-4-х слов – однородны по типу организации с многотомным полотном и <...> они прекрасно узнают друг друга» [13, с. 72].

Е. К. Ромодановская главной чертой притчи называет абстрагирование, которое «в наибольшей степени соответствует символическому» смыслу повествования» [39, с. 46]. Д. С. Лихачев обращает внимание на то, что «абстрагирование вызывалось попытками увидеть во всем "временном", "тленном", в явлениях природы, человеческой жизни, в исторических событиях символы и знаки вечного, вневременного, "духовного", "божественного"»[25, с. 109].

Совсем иное понимание притчи представлено в религиозной литературе. Так, согласно Библейской энциклопедии, притча – развёрнутая метафора или сравнение, часто превращающееся в краткое повествование, в основном используемое людьми библейских времён для дидактических целей[25, с. 70]. В этом контексте притчу часто называют параболой, от греч. «сравнение» или машаль, от иврит. «пример, образец». Парабола – сравнение

между естественными и духовными предметами, соответствие между чувственным и духовным миром. Машаль – образец поведения, выбора в той или иной сложной ситуации. Здесь притча – любое сочетание слов, для создания и восприятия которого в равной степени нужно интеллектуальное усилие и которое, что ещё более важно, несёт в себе предельно сгущенный, концентрированный духовный смысл, является выражением мудрости и жизненного опыта[43].

За долгую историю бытования у притчи сформировались основные жанровые признаки, оформились разновидности, определилась композиция, сложились характерные художественные особенности.

Притча не имеет чётких жанровых границ. Притчу часто объединяют с басней, поэтому сначала мы сравним два этих жанра. Притча, в отличие от басни, существует только в контексте, её смысл обусловлен поводом, по которому притча рассказана[26]. Она допускает отсутствие развитого сюжетного движения и может редуцироваться до простого сравнения, сохраняющего особую символическую наполненность. С содержательной стороны притча отличается тяготением к глубинной «премудрости» религиозного или моралистического порядка. И наконец, притча обладает более возвышенной топикой, басня высмеивает, а притча учит.

Идеи и сюжеты для притч берутся обычно из реальной обыденной жизни, о чем свидетельствуют обычные бытовые ситуации и лексика. Иногда сюжет ассоциируется с библейским, но при этом он очень хорошо накладывается на современность, тем самым становясь вневременным.

Цель притчи – в откровении духовных истин, чтобы помочь человеку сделать нравственный выбор (притчи-повествования и притчи-басни) или прямо указать на то, как надо поступать (притчи-афоризмы и притчи-обращения). В последнем случае для этого обычно используются императивные конструкции.

Канву притчи составляет кольцевая композиция, однако иногда притчи остаются композиционно незаконченными, что позволяет читателю свободно мыслить и творить, сделать свои выводы .

Притча строится по принципу антитезы, её занимают вопросы добра и зла, правды и лжи, гибели и спасения, желаемого и полученного, жизни и смерти, Человека и Бога.

Исследователь Недорезова полагает, что в основе любой притчи лежит иносказание, аллегория. Она не говорит прямо о том, что хочет донести до читателя, читатель сам должен постигнуть смысл через образы.

«Для притчи характерно активное сотворчество автора и адресата. Она требует от читателя перенести себя в ситуацию притчи, активно постигать её смысл. Притча должна быть разгадана, сопоставлена, сопережита и понятна в результате самостоятельной интеллектуально-нравственной работы» [26].

Ещё одним характерным признаком притчи, как считает Бугаева, является диалогичность, которая проявляется в разных типах коммуникации, диалоге героев притчи и диалоге автора и читателя, слушателя. Иногда в силу метафоричности собеседником может служить неодушевлённый предмет. Притча – это еще и диалог между внутренним и внешним «я» читателя, беседа между телом и духом[10, с. 11]. Н.Д. Тамарченко пишет, что притча разъединяет участников коммуникативного события на поучающего и поучаемого. Это разделение иерархично. Речевой акт притчевого типа есть монолог в чистом виде, целенаправленно устремлённый от одного сознания к другому[46, с. 88]. Диалогичность в данном случае имеет условный характер, в таких диалогах между слушателем и читателем рождается различное виденье притчи, различное понимание, все это зависит от воображения и интеллектуально-нравственного мира слушателя. Если взглянуть на точку зрения Бугаевой, то мы увидим, что она, видимо, имеет в виду необходимость со стороны слушателя/читателя опознать скрытый

смысл-поучение за конкретным сюжетом; Тмарченко же говорит об авторской интенции – автор не дискутирует, а сообщает важную истину[88]. Таким образом, возможны разные подходы к определению идейно-художественного пафоса притчи. Из этого мы можем предположить, что у Ремизова, в силу установки на художественный вымысел, игру с церковным каноном, диалогичность проявится сильнее, чем в библейских притчах.

В притче нам открывается условный мир. Например: *на берегу моря, океана, на одном конце света, в одной деревне, в одном городе, в одной стране, однажды на Земле* – такая форма представления места действия показывает нам высокую степень обобщенности. Также форма времени дается в своеобразной неопределенности (*однажды, давным-давно, на заре развития Вселенной, в один солнечный день, как-то раз и т.д.*) [10].

Безымянность героев притч, отсутствие портретных и речевых характеристик также усиливают обобщенность, придавая универсальность сюжету (некая дама, некоторые люди, некто, старец, старый лодочник, добрый человек, послушник, один жадный мельник, одна семья). Героями притч традиционно могут быть не только люди (мудрец, фонарщик, рыбак, ключарь, мельник, официантка, послушник), но и неодушевленные предметы (Кукла, Скрипка, Кувшин, Ветер, Дюна, Цветок), а также абстрактные понятия (Любовь, Познание, Верность, Гордость) [10]. Действующие лица притчи, как правило, не имеют не только внешних черт, но и «характера» в смысле замкнутой комбинации душевных свойств: они предстают перед нами не как объекты художественного наблюдения, а как субъекты этического выбора. Это значит, что смысл не в том, кто изображён, а какой этический выбор должен сделать читатель.

Среди языковых особенностей притчи отмечаются выразительные средства речи: обилие сравнений, эпитетов и метафор/аллегорий (жизнь –

плавание, мир – море, любовь – вода, сердце – рай и др.). Ряд притч в синтаксическом плане построен на отрицательных предложениях для усиления смысла. Современные притчи написаны хорошим литературным языком, не перегружены просторечиями и церковнославянскими словами. Графически притчи оформлены с ориентацией на читателя. Выделения, расположение строк объясняются их ориентацией на читающего человека. То, что устно передается интонацией, в письменной форме может быть отражено с помощью графики. Оформление текста на странице, разбивка строк и т.п. – эти графические средства призваны передать интонацию живого поучения, беседы, рассказа[10]. Притча интеллектуальна и экспрессивна: её художественные возможности лежат не в полноте изображения, а в непосредственности выражения, не в стройности форм, а в проникновенности интонаций.

Таким образом, к жанрообразующим признакам притчи относятся краткость, малая форма, прямое или не прямое назидание, особый способ психологического воздействия на адресата, аллегоризм повествования, обусловленность сюжета поставленной целью, концентрация на одной морально-нравственной идее, обобщенность, вневременность, диалогичность, кольцевая композиция.

Притча – жанр остросовременный. Она является очень значимым жанром в системе литературы. Ее популярность заставляет обращающихся к притче волей-неволей размышлять о сути жанра, его границах, возможностях их расширения или, напротив, сужения, о путях жанровой контаминации и трансформации. Возникают новые линии жанровой преемственности, новые формы использования жанра по отношению к существующим традициям. А.М. Ремизов в цикле «Николины притчи» выступает своеобразным новатором, по-своему перерабатывает жанр притчи.

1.2. История создания цикла «Николины притчи» А.М. Ремизова

В XX веке жанр притчи получил преломление в творчестве ряда писателей. Одним из авторов, заинтересовавшихся этим жанром, стал А.М.Ремизов.

А.М.Ремизов - один из самых оригинальных русских писателей первой половины XX столетия. «Николины притчи» – произведение, которое занимает в творчестве А.М. Ремизова немаловажное место. Центральной фигурой книги является Николай Угодник, в этом образе отразились сложные взаимоотношения писателя с Богом и духовные искания Ремизова. Образ Святого Николая пронизывает все творчество Алексея Михайловича.

По словам писателя и публициста Ивана Ильина: «А.М. Ремизов – мастер слова и живописец образов, художественный и духовный облик которого настолько своеобразен и необычен, что литературный критик, желающий постигнуть и описать его творчество, оказывается перед очень тонкой и сложной задачей. Ремизов как писатель не укладывается ни в какие традиционно-литературные формы, не поддаётся никаким обычным "категориям"; и притом потому, что он создаёт всегда и во всем новые, свои формы, а эти новые литературные формы требуют новых "категорий" и, что ещё гораздо важнее, – требуют от читателя и от критика как бы новых душевных "органов" созерцания и постижения» [21].

Н.А.Рыжова, автор диссертации о «Николиных притчах» и «Трёх серпах» А.М.Ремизова, подчеркивает, что Алексей Ремизов прошел трудный

внутренний путь от слепой веры, через бунт воли перед Творцом, до обновленного приятия Бога[40]. Это нашло отражение в пристрастии к религиозно-этической проблематике.

Среди произведений, созданных Ремизовым, можно выделить те, которые непосредственно посвящены святому Николаю Угоднику («Николины притчи», «Три серпа», «Образ Николая Чудотворца. Алатырь – камень русской веры»); те, в которых святой упоминается в связи с символическим толкованием, топонимическими обозначениями («Взвихренная Русь», «Огненная Россия», «К Морю-Окияну»); те, в которых «присутствие» святого выражено имплицитно («Полуночное солнце», «В плену», «Подстриженными глазами», «Весеннее порошье»).

«Николины притчи» – результат долгой и кропотливой творческой работы А.М. Ремизова. Писатель неоднократно изменял тексты притч, объединял готовые тексты в различные сборники, он находился в постоянном поиске образа и истины святости. Так, притчи, вошедшие в сборники «За святую Русь. Думы о родной земле» (1915), «Укрепа» (1916), «Николины притчи» (1917), «Никола Милостивый. Николины притчи» (1918) объединяются в сборник «Звенигород Окликанный. Николины притчи» (1924). После этого, казалось бы, окончательного объединения рассказов происходит включение отдельных притч в сборник «Московские любимые легенды. Три серпа» (1927 – 1929). Рыжова Н.А. отмечает, что такой поиск отражает концептуальность образа Николая Угодника для творчества А.М. Ремизова, для него важен поиск Бога в человеке и человека в Боге. По мере работы над текстом он избавлялся от наслоений, утяжеляющих текст и не несущих важной смысловой нагрузки, и наполнял их народным колоритом повествования[10].

До появления итогового цикла «Николины притчи» А.М. Ремизов занимался этой темой почти 25 лет. Первая из опубликованных притч

«Никола Угодник» была напечатана в 1907 году. В 1917 году вышел в свет сборник Ремизова «Николины притчи». Почти все составившие его легенды были написаны в 1913 – 1916 годах и ранее публиковались в периодической печати. В первые годы занятий народной легендой обвинённому в плагиате писателю пришлось выступить с объяснением своего подхода к фольклору и тексту-источнику.

В 1924 году, когда писатель уже поселился в Париже, вышла в свет его книга «Звенигород Окликанный» с подзаголовком «Николины притчи», включавшая полностью цикл легенд из сборника 1917 года. Эта книга удостоилась высокой оценки Зинаиды Гиппиус: «У Ремизова я люблю не всё. Но мне жаль, что в нем не разбираются, не хотят понять, за что именно его нужно любить... Не знаю, все ли "притчи" Ремизовым только взяты, или сочинены иные, но это безразлично: они единого духа. Ремизов тут почти не "писатель", просто один из многих "создателей" Николиных "сказов"... Хорошая книжка "Николины притчи". Они – тот Ремизов, писатель с "необщим выражением", которого надо любить» [14].

На дальнейшую работу писателя подвиг отзыв Б.П. Вышеславцева, прозвучавший в письме от 5 октября 1925 года: «Прежде всего, позвольте выразить искреннее сожаление, что я до сих пор ещё не знаком с Вами лично. Это, однако, нисколько не мешает мне давно и хорошо знать и любить Вас, как изумительного и ни с кем несравнимого русского писателя. В прошлом мы с женой плакали при чтении Вашего "Звенигорода Окликанного". Он даёт русской душе то, о чём она больше всего тоскует: запах весенних полей, родной земли, музыку исконной народной речи и гениальную наивность язычески-христианской религиозности. Но за всем этим есть нечто бесконечно более глубокое, что я оцениваю, как гениальное достижение: это святость в русском духе, прикосновение к Божественному, к наглядным глубинам народной совести, к самому заветному в ней. Вот это

чувство, пережитое мною, и заставляет меня обратиться к Вам. Мне хотелось бы вдохновить Вас на книгу о Николае Угоднике» [40]. Ремизов к тому времени находился уже в эмиграции, поэтому предложение было им принято как возможность публикации за границей. Нехватка русских издательств и читателей была главной проблемой писателей-эмигрантов.

Можно выделить несколько этапов в работе А. М. Ремизова над образом Николая Угодника. Началом послужило народное, «изустное», восприятие («Николины притчи»), затем Ремизов обратился к древним житийным памятникам («Три серпа»), наконец, создал приближенный по стилю к научному исследованию труд о святом Николае («Образ Николая Чудотворца»). В основе целого цикла произведений о Николае Угоднике лежит идея «универсальности» святого, реализующаяся в таких темах, как милость, доля и змеборчество.

Тексты, которые послужили основой для творческого переосмысления, Ремизов изначально воспринимал как ученик и полностью погружался в художественный мир источника. В этом можно увидеть самоотождествление Ремизова (себя) со средневековыми писателями, главными своими литературными учителями. Алексей Ремизов называл в первую очередь протопopa Аввакума, в конце своей жизни Ремизов даже «создал целые страницы фантастических "воспоминаний" о себе как о московском книгописце, осужденном Максимом Греком за переписку "басен", как о наборщике Ивана Федорова, как о справщике Печатного Двора — приятеле протопopa Аввакума» [40].

Работа над текстом Ремизову представлялась «ступенчатой», автор сравнивал писательство с работой над осязаемым материалом: «это архитектура: выделявание, выковывание» [23, с. 134]. Не случайно ученик Ремизова Борис Пильняк так описывал работу своего учителя: «Ремизов не пишет, а делает слова (вы помните его руки, всегда в краске и карандашной

пыли). Когда смотришь на них, видишь, в них зажаты слова, и эти слова имеют вес: Ремизов не пишет, а делает, не пером, а руками» [45, с. 46].

В «Николиных притчах» автор следует заданному образцу. Но в основе метода Ремизова лежит интуитивное, субъективное начало: «В моих "реконструкциях" старинных легенд и сказаний не только книжное, а и мое — из жизни — виденное, слышанное и испытанное» [32, с. 102]. По замечанию Ремизова, он выбирал из прочитанного важное каким-то бессознательным, интуитивным путем.

При этом текст Ремизова складывается по принципу монтажа, который восходит к древнерусской письменной традиции, согласно которой воедино связываются исторические события, люди, предметы.

Получается, что тексты Ремизова, имея определенный автопсихологический подтекст, не буквально воссоздают книжный источник, а представляют собой «непрерывный рассказ памяти», некий коллаж, органически соединяющий фрагменты для воссозданию образа русской веры.

«Святителю Николаю, его прижизненным деяниям и посмертным чудесам А. М. Ремизов посвятил шесть книг», — отмечает Ю.В.Розанов[30]. Одна из них — сборник «Николины притчи», впервые опубликованный в 1917 году. В этот сборник Ремизова вошло двадцать четыре легенды и молитва Святому Николаю, главными источниками которых стали фольклорные тексты.

Цикл «Николины притчи» включает 24 произведения: «Никола угодник», «Николин завет», «Николин дар», «Николина сумка», «Николин огонь», «Николин умолот», «Николина порука», «Николино стремя», «Николино письмо», «Никола-ночлежник», «Никола верный», «Никола милостивый», «Никола-судия», «Никола чудотворец», «Свеча воровская»,

«Каленые червонцы», «Ремез-птица», «Задача», «Заря перегорелая», «Глухая тропочка», «Заяц съел», «Сметана», «Доля», «За родину».

Интересно, что три сюжета были переданы Ремизову Сергеем Есениным. Оригиналы тех текстов, что были переданы когда-то Ремизову, можно найти в «Приложениях» к седьмому тому 7 - томного собрания сочинений С.Есенина. Кроме того, автор использовал сказки и легенды из сборников А. Н. Афанасьева, П. А. Бессонова, Д. Н. Садовникова, Н. Е. Ончукова.

Все «притчи» Ремизова единого духа. Этого писателя отличает умение сливаться с таинственной стороной русского духа и передавать ее как будто изнутри. Мы проникаемся его «Юродивой Русью», погружаемся в жизнь русской народной души, в которой странным образом сплетены язычество и христианство, сказка и стремление к правде, слабость и сила, горе и радость.

Главный герой «Николиных притч» чаще всего является в образе старичка, порой его имя не называется. Никола в ремизовских произведениях оказывается более активной фигурой, чем в первоисточниках: он в авторской интерпретации соединяется с образами Иисуса, апостолов, святых. Главной функцией Николы становится заступничество за неимущих, помощь бедным в труде, наказание жадности и лживости.

«Святой Никола» почитается русским народом над всеми святыми, потому что он свой, земной – исходивший грязные дороги, помогающий в мужичьей беде, милостивый и в то же время хитрящий даже перед Христом, когда нужно помочь простому человеку.

Притча А.М. Ремизова сохраняет такие жанровые особенности, как кольцевая композиция, малая форма, аллегория и антитеза, диалогичность, вневременность, сотворчество автора и читателя, но вместе с тем обладает особыми свойствами.

Характерная особенность притч – герои Ремизова не безымянны, у них есть конкретные имена: Василий, Ипат, Антип, Савелий, Иван, Иван Силантьевич Тарасов и др.

Мир притч, с одной стороны, условен: некий город, берег, деревня, но и конкретен одновременно: Москва-река, Волга, Гундяево, Иваново.

Представленные притчи бытовые и не бытовые, они о жизни и труде крестьянина, деятельности купца или торговца, но это уходит на второй план, не занимает читателя.

Притчи не существуют только в историческом контексте, они легко могут быть перенесены и на современность, несмотря на то, что написаны они в прошлом веке.

Сюжеты притч писателя складываются из народных сказаний и преданий, это накладывает определённый отпечаток. Притча становится почти сказкой. Здесь есть сказовая форма: «близко ли далёко ли, низко ли высоко ли», «первая ночка – тебе место, а другая-то ночка – твоей старухе, а эту ночку – спал Андриановне». Есть сказочные герои: Иван-королевич, царевна, сказочные животные, которые разговаривают: Бурёнка и серый волк, Козёл Козлович. Есть предметы-помощники: камень и огниво, ковер-самолёт, самогудная скрипка, чудесные фрукты и ягоды, заколдованная скамейка. Происходят чудесные превращения камней в драгоценности, людей в птиц и животных, людей в иных людей, девушки складываются из частей, возрождаются из пепла. Троекратное повторение действий тоже взято из жанра сказки: «Идёт Василий на край моря и день, и другой, и третий – не три дня, три года».

Рыжова Н.А. отмечает, что Ремизов строит текст на основе скрытой цитации событий, мотивов, символов, на воскрешении забытых речевых и синтаксических конструкций, можно сравнить его работу с работой иконописца, долго и кропотливо пишущего каждое клеймо, годами

создающего святой образ. Например, перечисление деяний святого в начальной притчи – это воспроизведение миниатюр, окружающих на иконе изображение и передающих главные эпизоды жизни из жития[31]. А.М. Ремизов рассказ от первого лица (святого Николая) заменяет авторским повествованием. Это диктуется житийным жанром. Писатель не упрощает, а усложняет чтение, сводя в одном тексте несколько сюжетов, предлагая контекст непривычных художественных взаимосвязей, заставляя читателя изменить способ восприятия[31].

Притчи А.М. Ремизова уникальны и неповторимы, сам жанр произведения вынесен в название, но это не притчи в полной мере, они пограничны, православны и литературны, бытовы и не бытовы, обобщённые и конкретны одновременно, часто похожи на сказку, строятся на житийной литературе, но остросовременны и выше временных рамок.

Таким образом, исследователи охарактеризовали кропотливый труд Ремизова по созданию и собиранию цикла «Николиных притч».

1.3 Трансформация библейской традиции в цикле А.М. Ремизова «Николины притчи»

Своеобразие притчи А.М. Ремизова заключается в её пограничном состоянии, притча автора близка к библейской, но облечена в художественную форму. Она представляет собой не просто иносказательный рассказ с целью поучения. Она есть сравнение между земным и духовным, её

направление – лечение души, а не каких-то примитивных пороков, она – сгусток духовного смысла и выражение мудрости.

Основной темой сборника является тема неизменной судьбы человека: за покорное принятие своего пути люди награждаются посмертно, за попытку обойти свою долю - наказываются. Чаще всего ремизовские варианты намного короче, чем в источниках[30].

Цикл «Николины притчи» начинается своеобразным вступлением, которое обрисовывает историю русской земли и значение для неё Николая-угодника. Автор-повествователь определяет цель своего рассказа, заключающуюся в ответе на вопрос: «Почему это первое имя – заветное русской веры» [33, с. 142].

Вступление раскрывает многогранную личность Николая-угодника, который не только помогает людям в трудную минуту или заступает за них, но и приходит на выручку в тех случаях, когда «неумолимая Судина» грозит раздавить человека совсем («ведь не всякий может вынести свою долю» [33, с. 142]).

И «тайное», и «сокровенное» есть в святителе Николае, но самое главное – он учит людей «жить на земле человеком» [33, с. 142]. Эта своеобразная интродукция подготавливает читателя к историям о хождении святого Николая по Руси и о его чудных делах.

Следует отметить, что Николай-угодник не только помогает людям, но и наказывает тех, которые забывают о добре и милосердии. Такова притча «Николин огонь». В ней святой, как всегда, совершал своё странствие по свету, но так получилось, что куда бы он ни попросился на ночлег, его нигде не пускали. Более того, никто не узнавал любимого всей Русью святого.

Когда в первой деревне Николая-угодника принимают за шарманщика, он молча покидает её, хотя и становится ему обидно. Во второй деревне его

подозревают в самых страшных делах, а в третьей деревне и вовсе начинает экзаменовывать святителя на предмет знания молитв. И только лишь один бобыль без всяких условий пускает к себе на ночь святого Николая, разделив с ним свою пищу и отдав всё лучшее.

Во второй части святитель Николай решает отблагодарить бобыля с добрым сердцем и наказать ожесточённые сердца. Для этого он во время обмолота бобылёвой ржи поджигает пшеницу. И происходит чудо: зажигается белый огонь, от которого ничего не сгорает, а напротив: «...соломинка к соломинке ложится, зёрнышко к зёрнышку. И через какой-то час все скирды сами обмолотились – зерно чистое, крупное и веять не надо» [33, с. 157]..

И когда бобыль рассказывает своим односельчанам о произошедшем чуде, они делают то же самое, и у них весь урожай сгорает. Такое наказание постигает тех, кто отказывает ближнему в помощи.

Эта притча построена по жанровым законам сказки. В ней есть три этапа, каждый из которых демонстрирует «неправильное» поведение большинства героев. Они не проходят нравственного испытания, заданного им Николой. Только лишь один человек поступает по совести, и в развязке все получают заслуженное.

Никола здесь показан живым человеком, а не небожителем: он и обидеться может, и «запамятовать» молитву, когда один из мужиков, к которым он просится на ночлег, вдруг с неоправданным напором начинает требовать рассказать наизусть самые канонические из них.

Великолепно передана здесь и речь крестьян: при помощи особого синтаксиса, инверсии, специфических слов («тальянец»). Да и сам повествователь, словно сливаясь с народом, говорит в нарочито-грубоватой манере («ржут, что жеребцы», «а там не слаще») [33, с. 157]..

Если говорить об образной системе притчи, то ключевым образом здесь является огонь, который выступает в двух ипостасях: как огонь созидающий и как огонь карающий. В свете сказанного, смысл данной притчи заключается в наглядном воплощении христианской заповеди, призывающей помогать ближнему: «Если просят у тебя – дай» (Мф. 5, 42).

Святой Иоанн Кронштадтский писал: «Мы ничего не должны жалеть для ближнего, потому что всё наше – не наше, а Божье» [22, с. 119]. Отсюда следует вполне логичный вывод: отказывать кому-либо в просимом, когда тот находится в нужде, значит, отказать Богу. Потому и последовала для жителей деревни столь жёсткая кара.

В другой притче («Николин умолот») святой никого не карает, всех милует и всем помогает, особенно бедным, потому что им в пору засухи и неурожая приходилось хуже всех: богатые имели возможность полить свои поля, а бедным приходилось только надеяться на милость небес и ждать. В такой момент и появляется возле них старичок-странник, который, узнав, в чём дело, зачем-то просит у них ржи. Никто не скупится, не протестует, не насмехается над ним, и Никола получает целое лукошко зерна. С ним святитель обходит каждую из избушек этой деревни и везде кладёт по зёрнышку. А уже утром происходит такое чудо, что никто глазам своим не верит:

«рожь во всех устьях вызрела
и в каждом доме, где положил старик зёрнышко,
колос из трубы выглядывал, и на божницах
лампадки горят перед Николою.
А на поле посмотришь – залюбуешься:
колос к колосу» [33, с. 158].

Итак, благодаря чудесной помощи Николая-угодника Бог милует крестьян, и они получают небывалый урожай. В свою очередь, те не

забывают поблагодарить святого – все они поминают Николу за его доброту и милосердие.

В этой притче сочетаются языческие и христианские элементы, что вполне соответствует замыслу Ремизова, который стремился отобразить именно народное, мифологизированное представление о Николае-угоднике. Так, Д.П. Святополк-Мирский отмечал, что цикл Ремизова занимает «промежуточное положение между сказками и христианскими легендами» [42, с. 144].

Этим обстоятельством и объясняется свершение здесь Николаем-угодником некоего языческого обряда, заключающегося в разложении зёрнышек по домам. Но зажжённые в каждом перед образами Николы-угодника свечи как знак искренней молитвы и благодарности – это уже христианский элемент повествования, символизирующий Святую Русь.

Почему же Никола поспешил на помощь этим людям, ни на минуту не задумываясь? Во-первых, потому, что это было его главным делом – помогать русскому человеку, попавшему в беду. Во-вторых, эти крестьяне прошли испытание, затеянное Николой: согласились принести ему рожь даже в такой момент, когда у них самих почти ничего не осталось. И далее, после чудесной помощи святого они не забыли поблагодарить его:

«Поминали странника-старичка –

Николу Милостивого» [33, с. 258].

Обратим внимание на заголовок притчи. Заглавие «Николин умолот» указывает на важную деталь: всё, чего ни касается святой, приобретает статус особенности, избранности, потому и делается всякий раз акцент в названии на антропоним. В то же время выявляется один из основных приёмов, которые использует Ремизов при создании своих притч – гиперболизация явлений. Но нельзя не заметить, что рядом с гиперболой

всегда соседствует литота, благодаря которой возникает образ самого Николы – маленького старичка-странника.

Но как бы ни было обманчиво первоначальное впечатление от этого образа, в процессе раскрытия замысла притчи фигура святого всякий раз оказывается воплощением мудрости и всемогущества. Всё может Никола – и помочь, и наказать, поступая по принципу справедливости. Но есть рассказы, в которых святитель действует не столь прямолинейно. Такова, например, притча «Свеча воровская».

Герой этой притчи по имени Ипат не отличался честностью и добротой. Напротив, оправдывая свои поступки «трудными временами», решил промышлять воровством. Автор характеризует Ипата следующим образом:

«Что у кого плохо лежит – не обойдёт, припрятает, а то накупит дряни какой, выйдет купцом на базар и так заговорит ловко, так выкрутит, совсем тебя с толку собьёт и втридорога сбудет – одно слово – вор» [33, с. 310].

Из всех воров, коих на Руси немало, Ипата выделяло одно обстоятельство: он прикрывался именем Николая-угодника: как только совершается благополучно его злодеяние, так он идёт в церковь и ставит в благодарность святителю свечу. Автор вновь гиперболизирует явление: «Понаставил он в церкви свечей, только его свечи и видно» [33, с. 310].

В результате всего этого создаётся нехорошая ситуация: люди начинают верить, что Никола действительно помогает Ипату в его воровских делах, и сам Ипат в это тоже твёрдо поверил, не умея иначе объяснить свой успех в этом преступном промысле. Таково вступление этой притчи.

Во второй части Ипат традиционно встречается с Николаем-угодником. Перед этим герой как раз обворовывает соседа, но неудачно, поскольку за ним устремляется погоня. В самую критическую

минуту Ипат сталкивается со святым, который в этом случае предстаёт перед героем и читателями в образе «нищего старика, побиральщика» [33, с. 310].

Попросив Николу о помощи (разумеется, не зная, кто он такой), Ипат получает предложение спрятаться в канаву, где лежаладохлая лошадь, которую уже «разнесло» до размеров горы. Под этой зловонной горой и спасается Ипат от погони.

Для чего же спасает Никола Ипата, который не только постоянно совершает смертный грех воровства, но и чернит имя великого святого? Для того чтобы преподать ему урок:

«– Что, Ипат, хорошо тебе было в сырости-то лежать?

– Ой, дедушка, хорошо, – чуть не захлебнулся!

– Ну вот, видишь, захлебнулся! – сказал старик и стал такой строгий, – а мне, как думаешь, от твоих свечей слаще? Да свечи твои, слышишь, мне, как эта падаль!

И пошёл такой строгий» [33, с. 311].

В этом случае становится очевидным, что рассказ приобретает истинное притчевое звучание, поскольку в него заложено иносказание, метафоричность, образность. Святитель Николай учит Ипата особым способом, буквально заставляя окунуться его физически в мерзость его грехов, которые олицетворяет сгнившая падаль.

В притче «Воровская свеча» образ Николая-угодника стремительно эволюционирует, проходя от начального образа «побиральщика» (как будто принижающим его значение, что делается специально, для введения героя в заблуждение), к образу «доброго дедушки», простодушно решившего помочь вору, к строгому учителю, который не физически карает грешника, а преподаёт ему наглядный урок.

Герой остаётся на распутье, и мы не знаем, как он будет вести себя дальше. В притче присутствует элемент недосказанности, подталкивающий читателя к размышлению, активной душевной и умственной работе.

Ещё более усиливает иносказательное звучание цикла притча «Ремез», которую писатель связывал с собой[50, с. 145]. В начале притчи автор даёт предысторию этой птицы, которая, по его словам, раньше была самой большой и самой звонкой. Здесь Ремизов вновь прибегает к гиперболе, наделяя ремеза выдающимися качествами.

Вторая часть притчи описывает столкновение Николая-угодника и этой лесной птицы, которая, не в меру расшалившись, напугала коня святителя, и тот, рванувшись, перевернул святого вместе с санями, уронил всех в снег. Никола рассердился и направился к самому Богу, жаловаться на ремеза-разбойника. Господь внял просьбе святого, и вот что Он сделал:

«...отнял у ремеза силу,
а перья его раздал птицам на прибыль роста.

И стал ремез такой малою птицей» [33, с. 313].

Используя инверсию и высокий слог, автор создаёт здесь пример мини-легенды, отличающуюся лаконизмом и красотой. Элемент превращения усиливает иносказательный подтекст, который развивается в третьей части притчи, подводящей итог всей истории:

«И нынче у всякой птички, у всякой пичужки есть перышко, хоть малое, от ремеза-птицы.

И за то её все любят.

И за то она первая птица — ремез» [33, с. 313].

Какой же вывод можно сделать из этого рассказа? С одной стороны, налицо наказание, а с другой – благодать. Ремез стал меньше, был усмирён за своеобразие, но он отдал частичку себя каждому и получил всеобщую

любовь, всё равно остался первым среди первых, несмотря на маленькие размеры.

Таким образом, становится очевидной мысль: божественное вмешательство идёт на благо, даже если сначала кажется, что происходит несправедливость. Коснулся Бог своим дыханием, дал возможность принести себя в жертву, и Божие творение приобретает новое содержание. Но и в этом случае не обошлось без вмешательства Николая-угодника, который, казалось бы, хотел наказать, а сделал только лучше.

Поэтому вполне логичным является завершение цикла – молитвой святителю Николаю, в которой от лица всего русского народа повествователь просит о вечном заступничестве и помощи.

Таким образом, на основании данной главы можно сделать следующие выводы:

Придерживаясь стилистически-жанровых канонов малого литературного жанра, Ремизов в своем цикле произведения «Николины притчи» сохраняет следующие особенности притчи:

- условность изображаемого мира;
- композиционное построение по кольцевому принципу;
- аллегоричность;
- активное использование развернутых метафор, украшающих повествование и заставляющих читателя задуматься и искать скрытый смысл «между строк»;
- активное использование бинарных оппозиций «добро – зло», «свет – тьма», «черное – белое», «святость – грех», «жизнь – грех», «награда – наказание»;
- приглашение читателя к активному диалогу с автором.

При этом автор модифицирует и творчески перерабатывает классическую житийную литературу, соединяя фантазийность и сказочность

с разговорным, просторечным языком русских крестьян, которые и являются главными героями большинства рассказов из цикла. В этом плане произведения Ремизова чем-то напоминают знаменитые сказы Павла Бажова.

В своем цикле притч автор создает особый образ святого Николая – народного заступника, не похожий на его образ в древнерусской житийной литературе. Основные отличительные особенности этого образа будут подробно рассмотрены в следующей главе.

Глава 2. ПРИЕМЫ РАСКРЫТИЯ ОБРАЗА НИКОЛАЯ УГОДНИКА В ЦИКЛЕ А. М. РЕМИЗОВА «НИКОЛИНЫ ПРИТЧИ»

2.1. Образ Николая Угодника в цикле А.М. Ремизова «Николины притчи»

«Николины притчи» были написаны А.М. Ремизовым в начале XX века, когда по всему миру прокатилась волна революций, которая привела к изменению мировоззрения и разрушению традиционных представлений об обществе. А.М. Ремизов для поиска ответов на возникающие вопросы выбрал героя, который воплощает в себе и традиционный, национальный образ, а так же может показать в себе черты эпохи. Таким национальным образом для А.М. Ремизова стал Николай Угодник как воплощение Божьего промысла и судьбы. «Верховное» звучание этого образа, по мнению Н.А. Рыжовой, обусловлено для писателя единением земного и небесного: Николай Чудотворец возвышается над людьми святостью, возможностью вершить судьбы, но в то же время он близок человеку, он заступник душ человеческих, носитель человечности и самого Человека[40, с. 34]. Е.Р. Обатнина в статье «Алексей Ремизов: Личность и творческие практики писателя» отмечает, что в «Николиных притчах» Никола становится волшебным помощником, а не чудотворцем в религиозном смысле[29].

Попробуем воссоздать образ Николая Угодника, представленный А.М. Ремизовым в цикле «Николины притчи».

В самой первой притче цикла Николай-угодник предстаёт сразу в двух ипостасях. Сначала это – Божий воин, которого ангел Господень призывает

на «жатву», т.е. на бой с врагами Русской земли. Очевидно, что до этого события святитель Николай пребывал на небесах, в каком-то чудном, святом сне, от коего пробудил его Божий посланник. В этих снах Никола видит, кому нужна помощь и посылает её нуждающимся, тем, кто призывает его имя.

Дальнейшие слова автора-повествователя указывают и на второе важное дело, которому посвящает своё время святой: «В страхе проснулся Никола, поклонился гробу Господню, где неустанно молился за род христианский, и, по морю ходящий яко по суху, отошел на Русскую землю» [33, с. 245]. Неустанная молитва за русский народ – вот дело, которое является одним из самых главным у Николы-угодника. Но наступает пора для подкрепления молитвы действием: русский народ сам себя довёл практически до полного уничтожения, и Господь отправляет Николу покарать его за это. Вот тогда и проявляет себя великий русский святой, известный своим милосердием, как воин-освободитель: «Уязвился сердцем Святитель, поднял посох и, скорый на помощь, пошёл по Руси из города в город, из деревни в деревню...»[33, с. 245].

Так же в зачине выясняется ещё одна существенная подробность: святой Николай наделён способностью ходить по морю, как по земле, подобно самому Господу, и этим самым подчёркивается его могущество и сила, приближённость к престолу Божьему.

Важным является тот факт, что автор фокусирует внимание и на внешних действиях, и на психологических деталях. Когда Никола видит разорённую русскую землю, он «уязвляется сердцем» и отправляется на помощь своему любимому народу. Так возникает его психологический портрет – человека справедливого и милосердного, но беспощадного к врагу. Расправляясь с ним (к врагам относятся не только завоеватели, но и «расточители», «лежебоки-тунеядцы» и просто равнодушные к своей родной

земле), святитель Николай не устаёт совершать добрые, а подчас, великие дела: воскресаёт «разрубленных отроков», освобождает пленников, спасает невинно осуждённых[33, с. 245]. Ничего не ускользает от его справедливого ока, и вот уже среди боя и брани он одаряет двух сирот погремущками[33, с. 245].

Разорённая, мёртвая земля пробуждает в святом праведное желание исправить эту неестественную для русского человека ситуацию. И вот исчезает великий воин, и появляется труженик – пахарь и сеятель, который возрождает землю, на которой сразу произрастают зелёные всходы, что означает окончание голода и нужды. Ни одна мелочь не остаётся без внимания Николая-угодника, и все эти подробности как нельзя лучше объясняют безграничную любовь русского народа к святому-чудотворцу. В любых ситуациях люди обращаются к Николаю-угоднику, что и подчёркивается повествователем: «Без него, как без рук, – не поднять мужику полевые работы. Всё, что сирю и слепо, одному ему видно. Попроси, – выручит, всё скажет Спасу, самого Илью умилюстит: не поляжет от града рожь наземь – живи, не тужи!» [33, с. 245]. Поистине, возможности святителя Николая-угодника безграничны, о чём и свидетельствует вышеприведённая цитата. В его полномочиях напрямую обращаться к Господу и просить о милости для людей. И даже Илья-пророк, известный своим грозным нравом, не может отказать ему. Все одинаково почитают и уважают святого Николая.

Невероятной внутренней силе и великой доброте противопоставлен внешний портрет святителя. Это маленький «седенький» старичок, в «лапоточках» и с посохом, но, кажется, никого, кто знает Николая-угодника, не может ввести в заблуждение эта внешняя простота. С древних времён повелось, что именно святитель Николай является заступником и покровителем Руси. Об этом прямо говорится в первой притче ремизовского

цикла: «И, подняв со всех ветров густой большой иней, серебром покрыл он от края до края всю Русскую землю и благословил её – свою горькую, свою голодную, свою бесшабашную, свою пьяную, чтобы сумела она мудро устроиться, не грешила б ротозейством, самомнением, глупостью, не выставляла б себя на посмешище, не попрекали б её в лености» [33, с. 245].

Занятость святого настолько велика, что он даже опаздывает в райский сад, «на Никольщину», и является туда отнюдь не в праздничном виде, а всё такой же, каким его читатель видел и раньше: «седенький», «в лапотках и с посохом», только теперь к этому портрету добавляется и описание одеяния святого: «...райское платье его поиздёргалось, заплатка на заплатке, дырявое» [33, с. 246].

Все собравшиеся русские святые (их имена названы не по святцам, а по народным традициям) спрашивают Николу о причине опоздания. Тот отвечает: «Всё со своими мучился» [33, с. 246]. Из этого замечания следует, что для Николая-угодника русский народ – это любимое дитя, которому он прощает все недостатки, хотя и видит его насквозь.

Если говорить о речи героя, то она интересна не только манерой изложения, но и тем, что в неё вкрапляются голоса других людей, придавая её тем самым полифоническое звучание. Так, после пробуждения от своего чудного сна, в котором он спасал тонущий корабль, святитель сам рассказывает о случившемся. Он описывает бурю, настигшую судно («Ударили волны – вспелешилось море. Шипело. Бурная, над ветром и волнами, угрожала Велеша, требовала жертвы, и, скача на белом хрустальноногом коне, резала море, разрывала когтями корабль»), поясняет цель путешествия («ехали ни Никольщину»), делает акцент на вере путешественников («в твёрдой вере», «крепко надеясь») [33, с. 246]. В это красочное описание вдруг вплетаются голоса терпящих бедствие: «Помилуй нас, Боже и святой Никола, где бы Ты ни был, явись к нам!» [33, с. 246]. Этот

крик, словно рефрен, будет повторяться далее на протяжении всего цикла, выполняя функцию лексического повтора и пронизывая текст единой мыслью о могуществе святого Николая и всеобщем уповании на него.

Отметим, что автор вкладывает в уста своего героя умение создавать красочные картины. Описывая разыгравшуюся на Велеше бурю, он насыщает её образами и метафорами. Этот фрагмент очень интересен своими стилистическими приёмами. Выделяется метафора-образ: Велеша предстаёт перед слушателями, как живая. Более того, она наделена невероятной силой, требует жертвы, словно разъярённое чудовище (не зря она скачет на «хрустальном коне», «режет море» и «разрывает когтями корабль») [33, с. 246]. Обратив внимание на этимологию имени Велеша (от Велес – имя языческого бога), становится очевидным мотив столкновения между язычеством и христианством. Именно по язычеству наносит Никола-угодник свой сокрушительный удар, лишая Велешу её силы и делая море спокойным.

В рассказе Николы о буре выделяется и приём консонанса: «...вспелешилось море. Шипело. Бурная, над ветром и волнами, угрожала Велеша, требовала жертвы...» [33, с. 246]. Ряд шипящих согласных «ш» усиливает картину разбушевавшейся стихии, создавая впечатляющий звуковой образ. Видимо, для этого цели здесь употребляется авторский неологизм «вспелешилось». Можно предположить, что приём консонанса необходим здесь и для того, чтобы обыграть имя «Велеша».

Далее, от красочного описания Никола переходит к торжественному стилю, с помощью которого подчёркивается его к верхнему ряду иерархии святых, близость к самому Господу и следование его законам: «Тогда нашла на меня Божья воля, подняло меня святым Духом, я пошёл к ним на море и избавил их из глубины морской» [33, с. 246]. Эта торжественность и высокая

одухотворённость позволяют выявить иную грань личности святителя Николая – молитвенника, Божьего сподвижника, небесного жителя.

В целом, речь Николы отличается простотой стиля и образностью, лишена всякой высокопарности, приближена к разговорной речи. Выделяются очевидные просторечия («пропаций», «поедом едят») и устойчивые выражения («сын на отца», «отец на сына», «вор на воре» и т.д.). Свою речь Никола выстраивает по принципу градации, чтобы прийти к обличительной кульминации: «Да и все хороши, друг дружку поедом ». остальных на эту однозначна: следует . Но выделяется из святых великодушием и . его решение в от всех : « – мне ангел весь , да простил я им, – наш Милостивый, – уж » [33, с. 246]

Из этих ещё более его образ – щедрого на и . Он способен в сферу и везде ему .

В 1 главе мы о том, что у А.М. Ремизова жанровую , имеет , но иногда к библейской . В сказанного , как содержание, , а вместе с тем и . С этой к притче « ». Интересно, что в Николай в оппозиции с . У обнаруживается на человека и его .

В притчи – человек по . Он беден, но это не ему по заповедям : не унывает, и за всё Бога. Во пшеницы привычку , что свойственно . Именно это Николая-угодника и , их действовать . поющего на , Илья и с позиций его .

Илья, нравом, его излишним. , его возмущает :

« – Что мне не веселиться? ничего – а мне не надо, бы Никола зародил» [33, с. 248].

в этом :

« – Что сказал? ты родишь? не ты? Эту я творю» [33, с. 249].

В святые, видеть в конкуренцию. По, Илья не предлагать радикальный из ситуаций, но раз оказывается на и милосердия. Это его притча « ».

Илья Ивана и его. Напрасны о том, что простому не под столь, но Илья :

«— Ну ж, я ему урожу, по будет — и ».[33, с. 249].

Но Николай-угодник не зря русского. Но не русского, а, который, а не «арианцем-». же ему импонирует : трудолюбием, не унывать, и искренностью. И, будучи о Ильи, .

Встречает он, как поющего, на с необыкновенно, и советует ему. Иван, , недоумевают, но всё же так, как ему святитель. И как он это, сбывается : «И, не кончился, как тучу : как, с громом — градом — как ножом »[33, с. 249].

Далее на поле Никола и. начинает, акцентируя на том, что «поле» по. Отметим, что не возможностями в Николы, а не, что поле это уже, а, следовательно, разорён по его. Илья ситуацию, а в это даёт совет — снова.

, сомневается, но в так, как наказывает ему, чего в выигрыше. повторяется, как в, раз, пока не, когда перехитрить. Он одну, и Иван не так, как сказал ему, выхода нет, но в том, если не святой. Он сам к Ивану и, его, :

«— Вот что, Иванушка, ты из муки два, да с молитвой. И с ними к : положи на Илье, а под правую Угоднику» [33, с. 251].

Это решение, а автор в раз не только, и милосердие, но и его мудрость.

В под названием « » рассказывается о том, что, Христу, из людей христианской, т.е. . Так с героем рассказа. жизнь, хотя он не к. Его мучает из-за, от долгое нет вестей с.

отличают качества: «..., да не трогал и от ему шла» [33, с. 246]. , и выбирает его для важной . отметить, что эта автором при впечатляющих . , Филиппа звон, что по обозначает . Во-вторых, со с Николой, пп скл руки , как это делают на , и в таком до повествования. , он и за хронотопа с скрещёнными : «И он с родного изб осиротелых по дорогам, думу, и – пострадать за »[33, с. 248].

Филипп не , какое с ним, а когда , у «дух »: и от , что колокол сам по , и от того, что ним сам стоит, он, как все люди, . Вот тогда и «руки », сразу крест .

Но он всё же решается вопрос о том, тот ночью. в себе из мыслей – это авторская о состоянии , его забота о нём:

« – А я, – Угодник, да грозный, – я , что крещёные , не помнят, забывают. За пострадать . А им бы чаю, кофею . и скажи, все , а не то я на них наказание ».[33, с. 247]

сначала в том, что способен Николы в , , что ему не поверят. Но святителя , что пути для нет, его руки, , не разнимаются. Так на иной, , отринув с с себя всё . предположить, что Филиппа с апостола или Московского и , жившего в XVI . Филипп был тем, что радел за и сокрушался по душ своих . Во случае, притчи .

На наш взгляд, эта притча является самой своеобразной из всех, поскольку остальные тексты перекликаются между собой по ситуациям и поведению Николая-угодника. Как правило, в остальных притчах богатые герои ведут себя неправильно, а бедные отдают последнее, отчего святитель Николай и воздаёт каждому из них по заслугам. В этой же притче замысел наиболее глобален. В ней символичным образом выражена суть русского народа, его миссии на этой земле – народа-страдальца, хранителя и распространителя веры православной. В ней и образ Николая-угодника приобретает новые черты: на какой-то миг он становится грозным. Это уже

не «седенький» старичок «в лапоточках и с посохом», а воин Христов, готовый не только помогать, миловать, спасать, но и карать в том случае, если народ переступает все границы дозволенного в своих грехах. Вот тогда и является Николай-угодник и начинает бить в набат, в знак того, что над страной нависла грозная опасность, которую нужно немедленно искоренять покаянием и добрыми делами.

Таким образом, можно сказать, что автор трактовал образ святителя Николая, исходя во многом из народных поверий, вложив при этом и свое собственное видение. Из книги Ремизова следует, что Николай-угодник – это всё равно, что заместитель Бога на русской земле. Имя святителя Николая – это символ и имя веры, особое по своей значимости для русского человека. В авторской концепции А.М. Ремизова святитель Николай – это всемогущий святой, который способен творить чудеса и помогать человеку в любой сфере его деятельности. Он может заступаться перед людьми даже в тех случаях, когда другие святые к ним неблагосклонны (как в эпизодах с Ильёй). Иными словами, святитель Николай – это и помощник, и судья, но всегда справедливый и милосердный.

2.2. Грани образа Николая Угодника.

Анализируя цикл Ремизова «Николины притчи», мы выделили несколько этапов в работе автора над образом главного персонажа – Николы Угодника. В процессе работы над циклом Ремизов обращался к народному

творчеству, к житийным памятникам, повествующим о делах и житии святого.

Основу цикла Ремизова составляет основополагающая идея святого как личности универсальной, наделённой множеством качеств. Реализована она следующими темами:

- 1) тема милости;
- 2) тема доли;
- 3) тема змееборчества.

Все они воплощены Ремизовым при помощи разнообразных функциональных категорий, которые были присущи Николаю Угоднику. Главная из них – Николай-помощник в любом начинании, в любых делах народа. Ещё одна функция – Николай-защитник, поборник истины Христовой. Здесь, вероятно, можно провести параллель с архангелом Михаилом, роль которого состоит в защите напрасно осуждённых и пострадавших за свою веру. Он освобождает людей от тюрем и казней, борется с мраком и тьмой, с нечистой силой и злом в его самых различных проявлениях.

Тематическое разнообразие образа проявляется в сюжете, который зависит от действий святого и выполняемой им функции. Никола Угодник может быть:

- вершителем суда и судьбы («Николин завет», «Николина порука», «Николино стремя», «Николино письмо», «Никола ночлежник», «Никола Милостивый», «Никола судия», «Свеча воровская», «Калёные червонцы», «Ремез-птица», «Заря перегорелая», «Глухая тропочка», «Заяц съел», «Сметана», «Доля», «За родину»);
- помощником в бедности («Николина порука», «Николино стремя», «Никола ночлежник», «Свеча воровская»);

- волшебным помощником в борьбе со злом («Николина сумка», «Никола верный», «Никола чудотворец», «Задача», «За родину»);
- помощником в труде, прежде всего сельскохозяйственном («Николин дар», «Николин умолот», «Никола угодник»);
- помощником на воде («Никола угодник»)

Прежде чем перейти к размышлениям о цикле Ремизова, мы задаёмся вопросом: насколько Ремизов изменил житийные и фольклорные первоисточники? Он всегда с благоговением относился к народным преданиям, любил и берёг наше отечественное достояние. Вполне возможно, что стоило ему изменить лишь одно слово, добавить новый штрих, и вот это самое народное становится глубоко личным, индивидуальным, присущим одному только Ремизову. Его стиль узнаваем. Так больше никто не говорит и не пишет.

Древние легенды о Николае Угоднике известны нам с незапамятных времён. И они стали нам настолько привычны, что мы перестали даже задумываться о них и почти совсем забыли их суть. Ремизов же сохранил их для потомков, он записал тем языком, который стал понятен и прост для читателя. И вот они ожили и засияли от той любви и внимания, которые вложил писатель в свои рассказы.

Эти притчи простые и скромные. Нет в них пестроты изразцов, нет красочных кокошников, нет и малинового звона. Тот, кто не представляет себе Руси без этих символов не оценит литературный стиль писателя, скромность сюжетной линии. Чудеса Николы Угодника совсем бесхитростны, вид у него совсем непримечательный: «стоит под колоколом старичок, так нищий старик», «по весеннему полю идет старичок седенький с посохом», «а там с поля старичок Странник», «а приходит к вечеру гость незванный — Никола Угодник», «и стоит там старичок седенький, древний старичок» [34, с. 42].

Ремизов будто стыдится быть красноречивым, считая это тщеславием, будто оно, красноречие, от ума, а не от души и сердца. Вот и герой Ремизова, Николы Угодник, не злословит о грешниках, жалеет их. Но зато праведников восхваляет с невероятным пылом. Он говорит, что всё идёт от Господа, перед которым мы все равны. Так, в рассказе «Николино стремя» Моргун (обманщик и вор) просил узнать у Спаса, есть ли ему счастье. И тот ответ, который принёс ему Никола Угодник как раз и даёт понять, что всё происходит по воле Бога.

«— Спросил, милостивый Никола, у Спаса о счастье?

— Спросил, спросил. Есть тебе счастье.

— Какое же мне счастье?

— А счастье твоё воровать и божиться». [34, с. 35]

Вместе с тем, нет ни тени намёка на монашескую елейность. Никола Угодник - это бог крестьян, ходит, как и они, в «лапотках». И народ любит его весьма своеобразно. Бывает, что и жалуется на него, сердится и даже проклинает, обижает. А он, как и положено «отцу», помогает, когда надо учит, а когда надо и наказывает. Но при этом всегда прощает.

«Мудрый разделитель доли, заступник даже перед неумолимой судьбиной, помощник в беде — ведь не всякий может вынести свою долю! И в трудах: ведь не всякий может поднять назначенное судьбой». Вот и в качестве эпиграфа к циклу Ремизов выбирает следующий эпиграф:

«— А що буде, яко Бог помре?

— А Микола святыи на що?». [34, с. 7]

Всё потому, что Никола есть «русский бог». И подобного нет ни у одного другого народа. Нет ничего такого, что мы могли бы противопоставить этой неразрывной связи святого с его народом.

«Русский народ сказкой сказал о Николе: свою веру, свои чаянья, свою правду».

Николай Угодник может всё. Он и помогает и наказывает. Но всё это он делает искренне и справедливо. Однако, в рассказе «Свеча воровская» Никола Угодник не столь прост и прямолинеен, в «Калёных червонцах», он преподносит урок жадному и порочному Кузьме, также можно выделить притчу «Никола ночлежник», где Зиновий Григорьевич со своей женой дорогого поплатились за своё жестокосердие и чёрствость.

В другой торжественной и высокоодухотворённой линии цикла мы видим ещё одну грань личности святого Николая Угодника. Это рассказ цикла «Никола Угодник». Здесь он предстаёт перед нами как Божий сподвижник, небожитель, молящийся о людях. Его речь отличает простота и образность, она лишена высокопарных выражений, это обычная разговорная речь. Ремизов использует здесь просторечные выражения «пропаший», «поедом едят», устойчиво закрепившиеся выражения «отец на сына», «сын за отца», «вор на воре». Речь святого выстраивается градационно, постепенно достигая кульминации в обличении грешников: «Да и все хороши, друг дружку поедом едят» [34, с. 9].

Другие святые реагируют на его слова солидарным высказыванием: такой народ необходимо карать. Однако Ремизов выделяет Николая Угодника, противопоставляя его всем святым. Он предстаёт перед нами в образе безгранично великодушного, милосердного. Его отношение к людям коренным образом отличается от отношения прочих святых. «Велел мне ангел Господень истребить весь русский народ, да просил я им,- отвечал наш Никола Милостивый, – уж больно мучаются» [34, с. 9].

Эта фраза рисует нам святого как покровителя земли русской. Он щедр, помогает нуждающимся, проявляет безграничную милость и терпение. Ради помощи страждущим он способен послушаться Господа (как в притче «Никола милостивый» он послушался Христа ради спасения вдовы), проявляя снисхождение к их слабостям и недостаткам. В любой ситуации приносит он

спасение. И Бог не гневается на него за это. Ведь действуя подобным образом, он не нарушает заповеди, а наоборот, действует в соответствии с ними. Тем самым Ремизов представляет святого подобием Бога на земле. Здесь можно сделать вывод – Николай Угодник предстаёт перед нами как многоликий, разносторонний «человек». Он является и воином, и защитником, и заступником, и праведным судьёй.

Прочие рассказы передают нам сходные по ситуации и манере поведения святого сюжеты. Богатым, как и положено в таких рассказах, свойственно несправедное поведение, желание обогатиться и обидеть слабого. Бедный же люд, напротив, характеризуется добротой, стремлением помочь ближнему и способность отдать последнее, за что они и получают «награду» от Николая Угодника.

2.3. Роль пейзажа в создании образа Николая Угодника

Третий параграф главы посвящён описанию природы в цикле Ремизова «Николины притчи», поскольку не только дела характеризуют образ заглавного героя, но используются и косвенные средства характеристики. Как таковая, доля пейзажного описания в цикле «Николины притчи» не велика. Автор в основном использует картины природы для аналогий, аллегорий. И именно из этих кратких картин и воссоздаёт он целостный образ Руси.

Говоря о значении пейзажа в цикле Н.Ремизова, следует обратиться к понятию хронотоп. Как пишет М.Бахтин, «искусство и литература

пронизаны хронотопическими ценностями разных степеней и объемов. Каждый мотив, каждый выделяемый момент художественного произведения является такой ценностью» [7, с. 265].

В цикле Н.Ремизова, согласно Бахтину, мы можем выделить хронотоп дороги. Действительно, в рассказах цикла очень часто встречи с Николой Угодником происходят на дороге. Именно дорога является точкой пересечения пространственных и временных путей святого и обычного человека. И не важно, какого сословия этот встречный, каково его вероисповедание, национальность или возраст. Именно дорога является местом «столкновения» людских судеб. Именно на ней время «вливается в пространство и течёт по нему» [7, с. 69], и именно на ней все существующие социальные дистанции преодолеваются. Дорога является местом завязки сюжета, местом, где и происходят все важные события. То есть происходит метафоризация дороги. Это своего рода и жизненный путь, и исторический. Путей метафоризации дороги великое множество, но едва ли не самым главным, важным является «течение времени». Исходя из вышесказанного, мы делаем вывод о важности сюжетной роли дороги в цикле Н. Ремизова «Николины притчи».

Подчёркивая важность хронотопа, отметим его главенствующую роль как отправной точки для развития событий в притчах. Роль остальных, связующих событий, которые находятся довольно далеко от хронотопа, заключается лишь в форме достаточно сухого осведомительного характера. Таким образом, хронотоп мы видим, как центр изобразительной конкретики. Все идеи рассказов (философские, социальные, причинно-следственные связи) объединяются вокруг хронотопа, через него наполняются художественной образностью. Именно в этом и заключена изобразительная функция хронотопа.

Идею дороги, встречи на ней мы видим уже в самом первом рассказе цикла, рисующим Русь в целом. Текст «Николай Угодник» являет нам картины трагические. Это и людское горе, их беды, и невозможность помочь всем страждущим Николаю Угоднику, что является для него очень тяжёлым испытанием, большой душевной болью. «Не узнал Никола свою Русскую землю. Вырублена, выжжена, развоёвана, стоит она пуста-пустёхонька, и лишь ветры веют по глухим степям, и не найти на ней правды. Уязвился сердцем Святитель, поднял посох и, скорый на посох, пошёл по Руси из города в город, из деревни в деревню, с Волги-реки на Москва-реку, с Днепра на Поморье...»[34, с. 10].

А далее следует цикл притч, каждая из которых содержит свою частицу «природы», «пейзажа», наделённых определённым философским смыслом. Природа для Ремизова это не красота окружающего нас пейзажа, а средство передачи определённой идеи, какого-либо настроения. Здесь следует отметить следование писателя древнерусской традиции, где роль большое значение имеют языческие культы.

Так, велика роль культа воды. Здесь мы видим, как Николай Угодник умирляет бурю, спасает утопающих, дарует дождь. «Ударили волны – вспелешилось море. Шипело. Бурная, над ветром и волнами, угрожала Велеша, требовала жертвы, и, скача на белом хрустальном коне, резала море, разрывала когтями корабль» [34, с. 219]. А в рассказе «Никола верный» образ океана используется подобно сказке: «Взял старичок пепел в руку, кинул его в воду. Пепел расплылся по воде и здрава выскочила королевна из воды» [34, с. 217].

Весенний культ характеризуется помощью святого в делах хозяйственных (помощь в процессе подготовки к посеву, помощь в разведении скота или его сохранении). Культ весны проявился в цикле в таких рассказах, как: «Никола милостивый», «Никола верный»: «...Вывел к

солнцу буйное жито, поправил яровые зелёные всходы, покрыл травой обогретую солнцем землю. И, где вымокло, там подсушил, и где высохло, там дождём полил. Надоело коням стоять во дворе – выгнал в поле, в ночное, - городи городьбу!» [34, с. 10].

Немалое значение отводится в цикле пейзажу, чтобы подчеркнуть мотив судьбы, предопределённости. Так, в народе говорят «суженного конём не объедешь», «чему быть-того не миновать», «на роду написано» и т.п. Именно в этом ключе написаны рассказы цикла «Николино письмо», «Никола верный». Оба рассказа отмечены идеей фатализма. Что было суждено от рождения того не удастся миновать. И не важно, что это: богатство и процветание или бедность и болезни. От судьбы не уйдёшь. «И не узнал Никола места, где камни? И нет пропастей! И до чего хорошо кругом, и свет такой светлый – такой сад, как рай» [34, с. 67]. Эта цитата показывает нам судьбу бедной вдовы, которая после смерти была вознаграждена за свою веру, за то, что не роптала на Господа.

В произведении «Никола Милостивый» в качестве аллегии рая используется зеленое поле; автор пишет о том, как Христос и Святой Николай вместе шли по большому полю, покрытому молодой зеленой травой. В притче «Николай Чудотворец» автор также обращается к образу сада и луга. Используя эти символы как аллегию потерянного рая, гармонии, которую утратил человек из-за того, что грешен по своей природе.

Но вернёмся к аллегиям. Притча «Ремез», как мы отмечали выше, связана с самим Ремизовым. Здесь пейзаж используется Ремизовым, чтобы показать образ птицы-ремеза: «Был ремез не такой малый, был ремез больше всех птиц, а звонкая, звонче во всём бору не было птицы. Тучей подходил ремез к городу, громким громом ступал на свой широкий двор...» [34, с. 96]. В рассказе «Птица-ремез» автор сравнивает самого себя с птицей. Не

случайна и общность его фамилии и названия птицы. Известно, что некоторые события из прошлого неблагоприятно сказались на дальнейшей жизни писателя. Он пережил длительную ссылку, где весьма ухудшилось и без того плохое зрение. И вся последующая его жизнь была посвящена восстановлению зрения и борьбе за его сохранение. Кроме того, вернуться из ссылки ему так и не удалось, всю оставшуюся жизнь он был вынужден оставаться за рубежом. Отсюда и аллегории о потере сил, значения, роли в жизни «других птиц». Однако, всё же у него оставалась надежда на то, что хоть малая частица – «пёрышко» останется у каждого человека, читавшего его сочинения, его оценят по достоинству и полюбят за его стремление к правде, за его любовь к отчизне, за те христианские ценности, которые он транслировал нам в своём творчестве.

Немаловажна роль пейзажа в теме покаяния, которая красной нитью проходит сквозь все рассказы цикла «Николины притчи». Автор стремится показать то хорошее, что присуще простым людям. Наиболее показательным в этом плане стал образ раскаявшегося вора из рассказа «Никола судья», пустившегося в путь с Савелием и его женой, дабы узнать, какая расплата его ждёт за грехи. «Ехал казак к царю с вестями, вёз царю три слова о помощи Божьей, второе измена, третье – надежда. Едет он ночью лесом. От дерева до дерева светят ему звёзды» [34, с. 122]. Это цитата из рассказа «Доля». Ночь, лес – всё это передаёт атмосферу напряжённости, тревоги. И не случайно, ведь солдат везёт царю известие об измене. А свет звёзд можно воспринимать, как путь навстречу Николаю Угоднику. И встреча эта оказалась судьбоносной [33, с. 286]. Святой благословляет и солдата и всех людей русских. Тема покаяния ещё не раз найдёт отражение в творчестве Ремизова. Здесь он следует традициям, заложенным ещё в стихах покаянных – древнерусском жанре церковной традиции, показывающей стремление людей к чистоте помыслов, очищению от всего греховного, порочного. Это

именно то, к чему призывал Николай Угодник, что ему было так дорого в простых русских людях.

Цикл о Николае Угоднике проникнут надеждой на будущее. Начавшись картиной разорения родной земли, цикл завершается молитвой святому Николаю Угоднику. Она ведётся от лица всего русского народа, который просит о заступничестве своего героя, спасителя и советчика Николая Угодника.

Вывод: Роль пейзажа в цикле «Николины притчи» имеет ряд особенностей, помогающих увидеть своеобразие пейзажного воплощения как художественного образа. Визуальная организация пространства в пейзаже связана с демонстрацией опосредованных человеком сторон природного мира. Пейзаж развивается в процессе образного осмысления человеком природы.

В своих притчах автор создает удивительный симбиоз земной и небесной природы. Центральное место в ярких образах природы занимает поле как олицетворение мира крестьян – людей, на которых держится вся Россия. Ремизов часто апеллирует к древнему славянскому образу «Мать сыра-земля», подсознательно отождествляя его с Богородицей. В некоторых притчах действие происходит днем, но чаще ночью. Если солнце, по мнению автора, олицетворяет жизнь земную, то луна и звезды – воплощение потустороннего мира – того, в который человек попадает после смерти. По отношению к звездам автор часто употребляет эпитеты «близкие» и «грозные»; этим Ремизов хочет сказать, что смерть, когда человеческая душа попадает в мир иной, неизбежна, и на том свете человека непременно ждет расплата за совершенные в земной жизни грехи. Это еще один отголосок темы судьбы, лейтмотивом проходящей через все «Николины притчи». Олицетворением сил небесных является и ветер как прообраз всемогущей

стихии, а также метель («Николина порука»). Центральную тему занимает изображение воды.

Что касается воды, Ремизов чаще всего обращается к образу реки и моря. Река, в его понимании – это пространство, разделяющее богатых и бедных людей. Например, в той же притче «Николина порука» богач жил на крутом высоком берегу, что подчеркивает его обособленность, отгороженность от мира. Море же трактуется как бесконечность Вселенной и граница, разделяющая земной и небесный, потусторонний мир (в притче «Никола Чудотворец»). Из растений автор часто использует образ крапивы как символ греха и запустения, символ пустоты в человеческой душе, заполненной грехом («Никола верный»). Также он использует обобщенный образ «райского дерева» как символа утраченной вселенской гармонии.

В «Николиных притчах» автор активно использует цветовую символику, можно выделить следующие символические значения цветов:

- белый – чистота, непорочность;
- красный – воскресение, возрождение к новой жизни;
- черный – душевная пустота;
- зеленый – цвет жизни и молодости.

Одним из постоянных эпитетов в изображении пейзажа является эпитет «грозный». Автор употребляет его по отношению к ветру, звездам, морю, наделяя стихию человеческим качеством (олицетворение) и тем самым показывая неотвратимость возмездия за грехи, совершенные на земле.

2.4 Рекомендации учителю по использованию цикла А.М.Ремизова «Николины притчи» в школьной программе по музыке.

В школьной программе по музыке Е. Д. Критской, Г. П. Сергеевой, Т. С. Шмагиной существует актуальная для нас тема: «Святые земли Русской», которая изучается во 2-4 классах и на неё в программе отведено 5 часов (2 часа во 2 классе, 1 час в 3 классе и 2 часа в 4 классе). В рамках этой темы для учащихся открывается мир духовной музыки, дети знакомятся с образами святых, которые особенно почитаются в нашей стране (Сергий Радонежский, Николай Чудотворец, княгиня Ольга, князь Владимир, Александр Невский)

Нами разработаны рекомендации учителю по использованию цикла А.М. Ремизова «Николины притчи» в школьной программе по музыке Е. Д. Критской, Г. П. Сергеевой, Т. С. Шмагиной.

Формирование души является главной задачей образования. На уроках музыки необходимо показать детям жизнь, представленную языком художественных, музыкальных и народных традиций. Для этого учитель должен обратиться к произведениям живописи, поэзии, прозы, к произведениям прикладного искусства, к народным традициям, обрядам, к фольклорным, архитектурным, скульптурным шедеврам. Такие близкие отношения позволяют лучше понять искусство, помогают воспитать всесторонне развитую, эмоционально отзывчивую личность. Этот комплексный подход к уроку музыки позволит ученикам одинаково воспринимать произведения искусства.

Задача учителя музыки - обеспечить, чтобы все ученики открыли для себя удивительный мир настоящего искусства.

Цель учителя музыки - достичь уровня урока, который увлечет учащихся, сможет стимулировать целостное восприятие мира через искусство, сможет развить музыкальное мышление и расширить кругозор учащихся, а также позволит студентам ориентироваться в огромном и

сложном мире искусства. Именно на уроках музыки вы можете установить тесную связь между искусством и жизнью.

Перед современным учителем стоит задача воспитания ответственного гражданина, способного самостоятельно оценивать происходящее и строить свою деятельность в соответствии с интересами окружающих его людей. Решение этой задачи связано с формированием устойчивых духовно-нравственных свойств и качеств личности школьника. Духовно-нравственное воспитание - это сложная, противоречивая, и важнейшая проблема педагогики. Ведь от того, каким в духовно-нравственном отношении формируется ребёнок, зависит, состоится ли он в будущем как личность.

Нравственность включает в себя понятия: душа, совесть, доброта, сочувствие, любовь, честь, патриотизм, т.е. самые ценные и главные человеческие качества. Учителя должны помочь детям открыть в себе эти качества.

В данном исследовании мы предоставим один из способов – использование притч в цикле бесед по духовно-нравственному воспитанию на уроках музыки.

Притчи всегда играли важную роль в жизни людей и давали пищу для размышления. Это удивительное средство воспитания, обучения и развития. Мудрость, поданная в простой и ясной форме, учит детей думать, находить решения проблем, развивает в детях воображение и интуицию. Притчи помогают детям задуматься над своим поведением, и может быть, заставят их посмеяться над своими ошибками.

Урок «Святые земли Русской. Николай Чудотворец» проводится в 4 классе. В программе он приходится на середину декабря – это целесообразно т.к. это время – середина Рождественского поста, период подготовки к Рождеству и к празднованию дня Святого Николая (19 декабря).

План-конспект занятия по музыке для учащихся 4 класса на тему:
«Святые земли Русской»

Цель занятия – пробудить у учащихся интерес к богослужебной музыке и литературе, познакомить учащихся с ярким и многогранным образом Святого Николая Чудотворца, стимулировать самостоятельное изучение детьми его жития.

Задачи занятия – исследовать изображение Николая Чудотворца в цикле произведения Ремизова «Николины притчи». Выявить основные изобразительно-выразительные средства, которые использует автор для изображения святого. Прослушать образцы богослужебного пения, посвященные этому святому. Прослушать музыкальные произведения светских авторов, посвященные святому; другие песни светских музыкальных авторов в жанре притчи (пример – песни-притчи Светланы Копыловой, одна – две на выбор педагога). Прослушать фольклорные произведения, косвенно связанные с образом Николая Чудотворца (рождественские колядки). Выявить основные изобразительно-выразительные музыкальные средства, которые используются в прослушанных во время урока произведениях.

Оборудование – компьютер (музыкальный центр), экран для демонстрации фильма и презентации, фортепиано.

План занятия:

- 1) Вводная часть – знакомство с образом святого на иконах.
- 2) Проверка домашнего задания – обсуждение предварительно прочитанного дома произведения из цикла «Николины притчи» - «Николин дар». Характеристика главных героев – Ивана, святого пророка Ильи, святого Николая Угодника. Дискуссия.
- 3) Прослушивание произведений церковной и светской музыки, анализ используемых авторами изобразительно-выразительных средств.

4)Беседа на тему «Понятие притчи в литературе и музыке». Притча как короткая поучительна история. Прослушивание песен-притч современных светских авторов. Обсуждение прослушанного.

5)Просмотр фильма о Святом Николае.

6)Разучивание и совместное исполнение учащимися под руководством педагога стихир и тропарей святому Николаю.

Произведения сначала прослушиваются учащимися, затем исполняются педагогом а-капелла или под аккомпанемент фортепиано. После этого произведения исполняются учащимися под управлением педагога.

При обсуждении изобразительно-выразительных музыкальных средств, используемых для передачи Николая Угодника в прослушиваемых и исполняемых произведениях рекомендуется проводить параллели с литературными средствами, используемыми Ремизовым в цикле «Николины притчи».

7)Обсуждение связи Святого Николая с добрым рождественским волшебником Санта-Клаусом. Беседа о происхождении европейского образа Санта-Клауса. Акцент на том, что главное призвание Святого Николая – помогать людям и выступать защитником обездоленных.

8)Совместное разучивание и исполнение учащимися рождественских песнопений, традиционно исполняющихся в храме на день Святого Николая Угодника и являющихся подготовительными к Рождеству.

9)Рефлексия. Групповое обсуждение пройденного на уроке материала. Запись домашнего задания.

Домашнее задание направлено на закрепление пройденного материала и состоит из нескольких этапов:

1)Прочитать любую понравившуюся «Николину притчу» Ремизова с последующим пересказом в классе.

2)Нарисовать картинку, изображающую любое чудо Святого Николая.

3)Выучить стихиры и тропари в честь святого для последующего совместного хорового исполнения во время службы в гимназическом храме.

4)Ознакомиться с акафистом Святому Николаю, выучить наизусть любой понравившийся фрагмент и быть готовым исполнять его в хоре во время праздничной службы в гимназическом храме.

Задача педагога – ненавязчиво подвести учащихся к выводам:

1)Музыка, посвященная святому, носит светлый, радостный характер. Такой же образ – добрый, человечный – создает Ремизов в своих притчах.

2)Притча – уникальный жанр искусства, его задача – воздействовать на душу человека, заставить человека задуматься о своей духовной жизни. Автор притчи всегда стремится затронуть самые сокровенные струны в жизни человека. Притча – универсальный жанр, характерный не только для литературы, но и для музыки (песни-притчи на библейские темы современных авторов);

3)Образ Святого Николая был всегда особенно близок русским верующим людям. Именно поэтому Николаю Угоднику посвящено большое количество литературных произведений, духовной и светской музыки.

В качестве наглядных материалов можно использовать репродукции икон с изображением Святого. Рекомендуется использовать одну-две иконы с ликом святого крупным планом и большую житийную икону, на которой можно рассмотреть основные события из жизни Николая Угодника и творимые им чудеса. Особый акцент следует сделать на чудесах, упоминаемых в «Николиных притчах»

В урок следует непременно включить активное общение учащихся друг с другом, обмен мнениями по поводу прочитанной притчи «Николин дар». Можно предложить учащимся разыграть мини-сценку из притчи: диалог Николая Угодника с крестьянином Иваном или противостояние двух

святых – грозного Ильи Пророка и доброго. Человечного Николая Угодника. Инсценировку можно заменить чтением с места по ролям. Во время инсценировки или выразительного чтения основная задача учащихся – как можно точнее передать характер Николая Угодника и его антагониста – Ильи пророка, а также веселый, незлобивый нрав крестьянина Ивана.

По итогам этого блока занятия педагог обязательно должен отметить лучших чтецов или «актеров», так как на музыкальных занятиях в начальной школе педагог должен, по возможности, формировать у учащихся зачатки актерского мастерства. Использование инсценировок на уроках музыки благотворно влияет на формирование речи и дикции учащихся, что способствует правильному освоению певческих навыков.

Таким образом, цикл произведений Ремизова «Николины притчи» может быть успешно использован на уроках музыки в общеобразовательных школах. Если урок проходит в начальной школе, рекомендуется выбирать притчи, по форме и содержанию напоминающие русские народные сказки, легенды, предания. Если же урок проходит в 5 – 8 классе, педагог может рекомендовать для самостоятельного изучения дома и группового изучения в классе притчи более сложного, философского содержания, с серьезным богословским подтекстом например, «Николин завет»).

В заключительной части занятия (перед тем, как перейти к фактическому подведению итогов) рекомендуется демонстрация учащимся видеоматериалов, прямо или косвенно связанных с Николаем Угодником. Это может быть фрагмент праздничной литургии или всенощного бдения в честь святого (на уроке в православной гимназии), документальный фильм о жизни святого и истории его почитания (в общеобразовательной школе). Просмотр фильма поможет закрепить полученные на уроке знания и стимулирует учащихся к дальнейшему изучению творчества А. М. Ремизова и жития Святого Николая Чудотворца.

Во время подведения итогов нужно обязательно провести среди учащихся блиц-опрос. Примерные варианты вопросов:

1)Какие чудеса Святого Николая, упомянутые в «Николиных притчах», тебе особенно ярко запомнились?

2)Что такое притча в литературе? А притча в музыке? Какая песня-притча из прослушанных на уроке тебе запомнилась, и почему?

3)Какие разновидности церковной музыки, посвященные святым, ты знаешь? (тропарь, стихира, акафист)?

4)Кто такой Санта-Клаус? Почему его можно считать европейским близким «родственником» Николая Угодника?

Обмен мнениями завершает урок. Учащиеся закрепляют полученные на уроке знания в ходе самостоятельного выполнения домашнего задания.

Данная тема актуальная для учащихся 4 классов, так как именно в этом возрасте дети проявляют большой интерес к морально-этическим принципам православной веры. В то же время, в этом возрасте дети еще не утратили интерес к русской и славянской волшебной сказке, поэтому образ доброго старца из «Николиных притч» будет восприниматься в сознании учащихся особенно ярко.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная работа была посвящена анализу цикла А.М.Ремизова «Николины Притчи». Для достижения цели был поставлен ряд задач, поэтапное решение которых позволило сформулировать следующие выводы.

В цикле Ремизов стремился создать мифологизированный образ Николая-угодника, основываясь на народных сказаниях о нём. В то же время в цикле очевидно наличие сильного авторского начала.

Автор трактовал образ святителя Николая исходя во многом из народных поверий, вложив при этом в это собственное видение.

Из книги Ремизова следует, что Николай-угодник — это всё равно, что заместитель Бога на русской земле. Имя святителя Николая — это символ и имя веры, особое по своей значимости для русского человека. В авторской концепции А.М. Ремизова святитель Николай — это всемогущий святой, который способен творить чудеса и помогать человеку в любой сфере его деятельности. Он может заступаться перед людьми даже в тех случаях, когда другие святые к ним неблагоприятны (как в эпизодах с Ильёй).

Иными словами, святитель Николай — это и помощник, и судья, но всегда справедливый и милосердный.

Ремизов показывает святителя в разных ситуациях, в разных обликах. Он может быть на небе, и на земле, способен выступать и грозным судьёй, и милосердным, всё понимающим человеком или строгим учителем.

Подводя итоги работы, следует отметить тот весомый вклад, который внёс писатель А.Ремизов в отечественную литературу. Его творческий путь, лежавший на переломе веков, пришедшийся на пик культурной революции в Европе, был сложен и весьма неоднозначен. Его литературный стиль

соединил в себе большое количество течений и направлений искусства XX века. Но, безусловно, главенствующим в его сочинениях стало классическое и древнерусское искусство. Именно из него А.Ремизов черпал вдохновение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Аверинцев, С. С. Притча: Краткая литературная энциклопедия / С. С. Аверинцев; – Москва: Советская энциклопедия. – Т. 6. 1964 – С. 21.
2. Андреев, Ю. Пути и перепутья Алексея Ремизова: Вопросы литературы. № 5. – Ю. Андреев 2005. – С. 216-243.
3. Артемьева, О. В. Мифопоэтика прозы Алексея Ремизова: автореф. дис. канд. ф. н.:10.01.01 / О. В. Артемьева; – Москва 1999.
4. Баева, Н. А. Интертекстуальная сущность ландшафтных описаний в художественном тексте: [на материале английской прозы] / Н. А. Баева; – Кемерово: Интеллект, 2006. — С. 594-600.
5. Баран, Х. Поэтика русской литературы н. XX века / Х.Баран; - Москва, 1993. – С. 368.
6. Барская, Н. А. Сюжеты и образы древнерусской живописи / Н.А. Барская; – Москва: Просвящение, 1993. – С.223.
7. Бахтин, М. М. Проблема содержания материала и формы в словесном художественном творчестве / Вопросы литературы и эстетики. / М. М. Бахтин; – Москва: Художественная литература 1975. – С. 504.
8. Безродный, М. В. Об одной подписи А. Ремизова: Русская литература / М. В. Безбородный. – Санкт-Петербург: Наука, 1990. – С. 225–227
9. Белова, О. В. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / О.В.Белова, Л.Н. Виноградова , А. Л. Топоров / под общ. ред. Н. И. Толстого; Институт славяноведения РАН. — Москва: Межд. отношения, 1999. —С. 315-321.

10. Бугаева, И.В. Притча в современном религиозном дискурсе / И. В. Бугаева; — Москва: Культура речи, 2004. С. 11. URL: <http://www.rastko.rs/filologija/stil/pdf/06%20Bugaevas7.pdf> (дата обращения: 11.11.2015).
11. Бувечич, О.В. Лирическая книга А. М. Ремизова «Посолонь»: структурные формы художественного целого: автореф. дис. на соискание учёной степени кандидата филологических наук: 10.01.01 / О.В. Бувечич; Омск. гос. пед. институт – Новосибирск, 2013.
12. Бялик, Б. А., ред. Русская литература конца XIX - начала XX века / Б. А. Бялик; – Москва: Наука, 1971. – С. 338.
13. Гачев, Г.Д. Содержательность художественных форм. (Эпос. Лирика. Театр) / Г. Д. Гачев; – Москва: Просвящение, 1968. – С. 303.
14. Гиппиус, З.Н. А. Ремизов. Николины притчи / З. Н. Гиппиус//Росток.–2002URL: <http://az.lib.ru/g/gippiuszn/text1924remizov.shtml> (дата обращения: 02.02.2016).
15. Головина, Е. В. Функции пейзажных описаний в художественном произведении /Е. В. Головина // Молодой ученый: Филология, лингвистика. 2017. — №3. — С. 649-651. — URL <https://moluch.ru/archive/137/38558> (дата обращения: 12.02.2020).
16. Гостева, Т. Ф. Лингвостилистические особенности и текстообразующий потенциал пейзажных описаний в американской прозе XIX—XXI вв.: дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / Т. Ф. Гостева; Барн. гос. пед.ун-т – Барнаул, 2007. — 237 с.
17. Грачева, А. М. А. Ремизов и древнерусская культура: монография/ А.М. Грачева; – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. – 333 с.

18. Грачева, А. М. Древнерусские повести в пересказах А. М. Ремизова / А. М. Грачева // Русская литература. – Москва, 1988. – № 3. – С. 110–117.
19. Грачева, А. М. О человеке, Боге и о судьбе: апокрифы и легенды Алексея Ремизова // Ремизов А. М. Собрание сочинений. Лимонарь. / А. М. Грачева; – Москва, 2001. – Т. 6. – С. 650–663.
20. Даль, В.И. Толковый словарь. / В. И. Даль; – Сан-Франциско: Фонд Викимедиа, 2008. – URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=33561> (дата обращения: 02.02.2016).
21. Ильин, И. А. Ремизов Алексей Михайлович: Биография / И. А. Ильин; – Москва, 1991. – С. 121. – URL:<http://rvb.ru/remizov/03crit/ilyin/ilyinremizovtext.htm> (дата обращения: 09.03.2016).
22. Кронштадский, И. Путь спасительный: выписки из дневников. / Святой праведный Иоанн Кронштадтский; – Минск: БПЦ, 2014. – 192 с.
23. Кодрянская, Н. В. Алексей Ремизов: издание автора / Н. В. Кодрянская; – Париж, 1959. – С. 338.
24. Коринфский, А. А. Мать — Сыра Земля. / А. А. Коринфский// Народная Русь : Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. — Москва: Издание книгопродавца М. В. Клюкина, 1901. — С. 1—18.
25. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы: 3-е изд. / Д. С. Лихачев; – Москва: Наука, 1979. – 360 с.
26. Недорезова, М. Г. Притча: история и особенности жанра / М. Г. Недорезова; – Санкт-Петербург, 2004. – URL: <http://literatura5.narod.ru/pritcha.html> (дата обращения: 20.10.2015).

27. Максимов, С. В. Мать — Сыра Земля // Нечистая, неведомая и крестная сила: избранное / С.В. Максимов; – Санкт-Петербург: Товарищество Р. Голике и А. Вильворг, 1903. – С. 251-274.
28. Мурадалиева, Н. Романтический пейзаж в литературе : дисер. ... доктора фил. Наук : 10.01.03/ Н.Мурадалиева; – Баку, 1991.- 204 с.
29. Обатнина, Е.Р. Алексей Ремизов: Личность и творческие практики писателя: монография / Е. Р. Обатнина // Новое литературное обозрение. – 2008. – URL: <http://coollib.com/b/267206/read> (дата обращения: 15.05.2016).
30. Раевская-Хьюз, О.П. Собрание сочинений. В 10 т. Т.6. А.М.Ремизов. Николины притчи: комментарии / О.П. Раевская-Хьюз; – Москва: Русская книга, 2001. - С.716-720.
31. Раевская-Хьюз, О. П. Никола Угодник в творчестве А. Ремизова / О.П. Раевская-Хьюз // Портал "О литературе"/ – 2008. – URL:http://www.literary.ru/literary.ru/print.php?subaction=showfull&id=1204028135&archive=1205324254&start_from=&ucat=& (дата обращения: 05.03.2016).
32. Ремизов, А.М. Подстриженными глазами. Книга узлов и закрутов памяти: книга воспоминаний / А. М. Ремизов; – Париж: YMCA-PRESS, 1951. – С. 132.
33. Ремизов, А. М. Николины притчи /Ремизов А.М. Сочинения: В 2 кн. Кн.1: Звенигород окликанный / А. М. Ремизов; – Москва: ТЕРРА, 1993. –С. 241 – 296.
34. Ремизов, А. М. Избранное: Повести. Литературные силуэты. Воспоминания / А. М. Ремизов; – Москва: Просвящение, 1992. – С. 338
35. Ремизов, А. М. Повести и рассказы / сост., вступит, ст. и примечан. М.В. Козьменко / А.М. Ремизов; - Москва: Просвящение, 1990. – С. 407.

36. Ремизов, А. М. Узлы и закруты. / сост., вступит, ст. И. К. Рогощенкова / А. М. Ремизов; – Петрозаводск: Карелия, 1990. – С. 255.
37. Ремизов, А. М. Исследования и материалы / Отв. ред. А. М. Грачева. / А.М. Ремизов; - Санкт-Петербург: ПИТЕР, 1994. – С. 167.
38. Розанов, Ю.В. Никольский цикл А.М. Ремизова и проблема «Последней книги» / Ю. В. Розанов// Проблемы исторической поэтики, 2008. –№ 8. С. 580 – 600.
39. Ромодановская, Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX вв.: дис. ... доктора филол. наук: 10.01.03 / Е. К. Ромодановская; Новос. гос. пед. ун-т – Новосибирск, 1985. – С. 146.
40. Рыжова, Н.А. Цикл произведений А.М. Ремизова о святом Николае Угоднике ("Николины притчи", "Три серпа"): вопросы истории текста: дис. ... канд. фил. наук. – Петрозаводск, 2005. - 207 с.
41. Святое Евангелие. – Москва: Издательство Московской Патриархии, 2015. – 480 с.
42. Святополк-Мирский, Д.П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. / Д. П. Святополк-Мирский – Новосибирск: Изд-во «Свинын и сыновья», 2006. – 872 с.
43. Синило, Г.В. Притча / Г. В. Синило // Инсай-словарь. – Москва: словари. – URL: <http://www.insai.ru/slovar/pritcha> (дата обращения: 15.10.2015).
44. Скуридина, С.А. Мать – сыра земля как мифопоэтическая константа творчества Ф. М. Достоевского: ономастический аспект / С. А. Скуридина // Языкознание и литературоведение: Вестник славянских культур. – 2016. – Т. 42. – С. 143-150
45. Слобин, Г. Н. Проза Ремизова / Г. Н. Слобин; 1900-1921. – Санкт-Петербург, 1997. - С.46.

46. Тамарченко, Н.Д. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика: Теория литературы в 2 т. Т. 1 / Н.Д. Тамарченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман. – Москва: Издательский центр «Академия», 2004.
47. Толова, Г. Н. Пейзаж в литературе и искусстве: лекция / Г. Н. Толова; – Пермь: Издательство ПГПИ, 1993. — 52 с.
48. Топорков, А. Л. Земля//Славянская мифология. / А. Л. Топорков // Энциклопедический словарь. — Москва: Эллис Лак, 1995. — С. 192–195. —
49. Тюпа, В. И. Художественность чеховского рассказа / В. И. Тюпа; – Москва: Высшая школа, 1989. С. 13-30.
50. Ужанков, А.Н. Комментарии//Ремизов А.М. Сочинения: В 2 кн. Кн.1: Звенигород окликанный / А. Н. Ужанков; – Москва: ТЕРРА, 1993. – 352 с. - С. 343 – 346.
51. Федотов, Г.П. Стихи духовные. (Русская народная вера по духовным стихам) / Г. П. Федотов; – Москва: Прогресс, Гнозис, 1991.– 192 с.
52. Эко, У. Шесть прогулок в литературных лесах: лекции / У. Эко; – Санкт-Петербург: Симпозиум. 2002. 288 с.
53. Эпштейн, М. Н. Природа, мир, тайник вселенной. Система пейзажных образов в русской поэзии: Науч.попул./ М. Н. Эпштейн; - Москва: Высшая школа, 1990. — 304 с.